

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ МАРКИРОВАНИЕ ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ*

Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова

1. Введение

В языках мира широко распространено явление дифференцированного маркирования прямого дополнения (далее: ПД) (см. [Moravcsik 1978; Comrie 1979; Bossong 1985; Muravyova 1992; Aissen 1998; de Swart 2007; Dalrymple, Nikolaeva 2011] и др.). Это явление заключается в том, что ПД может кодироваться более чем одним способом. В языках мира выбор оформления может регулироваться строгими грамматическими правилами или же определяться на основании сложного взаимодействия грамматических и дискурсивных факторов. Так, например, в финно-пермских языках существительное в позиции ПД может оформляться показателем аккузатива/генитива, или же этот показатель может отсутствовать (ср. (1а) и (1б)):

Коми-зырянский (печорский диалект)

(1) а. Те муј нэ вэс'-i-n? – Ме рэžal-i рару.
ты что ЕМРН делать-PRT-2 я печь-PRT пирог
– *Что ты сегодня утром делала? — Я испекла пирог.*

б. Те рару-сэ магаž'in-уś' н'эb-i-n-ny-d?
ты пирог-ACC.3 магазин-EL покупать-PRT-2-PL-2?

{ЛК: Автор реплики в гостях ест пирог.} Ты пирог в магазине купила?

Сравним примеры (1а) и (1б). В (1а) ПД обозначает нового участника в дискурсе, неизвестного слушающему. Напротив, в (1б) речь идет об участнике, актуализированном в предтексте. В (1а) ПД выступает в немаркированной форме, в то время как в (1б) оно оформляется показателем посессивного аккузатива (подробнее см. п. 3.3.1). Данная пара примеров иллюстрирует выбор оформления ПД в зависимости от определенности/неопределенности объекта в коми-зырянском: в данном идиоме, как и во многих других финно-угорских языках, действует тенденция к оформлению определенных ИГ в позиции ПД аккузативом, в отличие от неопределенных ПД.

Варьирование кодирования ПД также может выражаться в наличии/отсутствии у глагола объектного согласовательного маркера: например, в самодийских языках, в некоторых финно-угорских языках (мордовские языки, см. п. 3.2 ниже), в ряде австронезийских языков и т. п., в инкорпорации/самостоятельном оформлении ПД (например, в некоторых палеоазиатских языках).

Нередко выбор оформления ПД регулируется строгими грамматическими правилами: морфологическими характеристиками глагола (напр., аспект, см. [Woolford 2000]) или лексико-грамматическими свойствами имени (напр., одушевленность в испанском языке, см. [Moravcsik 1978]). Однако во многих языках, в том числе в рассматриваемых финно-угорских языках, выбор одного из способов оформления не подчиняется строгим правилам. В частности, в одном и том же предложении, в зависимости от контекста, может быть выбрано различное оформление:

* Раздел написан при поддержке гранта РГНФ № 11-04-00282а.

(2) Me jəv / jəv-sə n'əb-i.
я молоко молоко-ACC.3 покупать-PRT

Я купила молоко.

В таких языках выбор оформления ПД определяется коммуникативными и/или дискурсивными факторами: референциальный статус ПД, принадлежность ПД теме/ реме высказывания, дискурсивная значимость и т. п. Обычно выбор оформления связывают с референциальным статусом именной группы (см., например, [Tura 1973; Еңç 1991; Nilsson 1978; Danon 2002]). Так, для турецкого языка в [Дмитриев 1960] указывается на то, что выбор кодирования ПД зависит от определенности/неопределенности именной группы, аналогично объясняется данное явление в марийском языке [Серебренников 1964] и в венгерском языке [Molnár 2001]. Именно этому фактору посвящено большинство существующих исследований. В ряде исследований отмечается важность фактора коммуникативного членения высказывания, см., например [Johanson 1978; Muravyova 1992] относительно тюркских языков, [Bossong 1985] относительно персидского языка и [Dalrymple, Nikolaeva 2011] относительно хантыйского языка. В литературе также представлен интегральный подход, при котором такие факторы, как референциальный статус, коммуникативное членение и дискурсивная значимость рассматриваются, как единый фактор значимости (prominence), определяющий выбор оформления ПД [de Hoop 2005; de Swart 2007].

В грамматиках финно-угорских языков и статьях, посвященных данному вопросу, правило выбора оформления ПД выглядит следующим образом. Аккузатив/генитив выбирается, если ПД является определенным; опущение аккузатива/генитива¹ происходит, если ПД — неопределенное (см. исследование [Wickman 1955] по оформлению ПД в уральских языках; [Бубрих 1949; Прокушева 1984] относительно коми-зырянского, [Серебренников 1964; Тужаров 1998] относительно марийского; [Серебренников 1967] относительно мордовских и [ГСУЯ; Csucs 1990; Winkler 2001] относительно удмуртского языка). Таким образом, согласно источникам, главным фактором при выборе оформления ПД в финно-угорских языках является определенность ПД. В перечисленных работах упоминаются также и другие факторы, однако данный фактор обычно вводится, как основной.

Мы покажем, что определенность и, шире, референциальный статус ПД — не только не единственный, но и необязательно главный фактор, влияющий на выбор его оформления в исследуемых идиомах. В настоящем исследовании для каждого языка будет предложена иерархия факторов, регулирующих выбор оформления ПД. Работа опирается на данные следующих идиомов: коми-зырянский язык (печорский диалект), марийский (лугово-восточный вариант), удмуртский язык (бесермянский диалект) и эрзя-мордовский язык (шокшинский диалект). Согласно нашим данным, для каждого из данных идиомов верно утверждение, что референциальный статус ПД — один из основных факторов, регулирующих выбор его оформления. Однако ни для одного языка данный фактор не является единственным.

Набор факторов, регулирующих выбор оформления ПД в рассматриваемых идиомах, практически совпадает. Это следующие факторы:

- референциальный статус ПД;
- коммуникативное членение предложения;

¹ В ряде финно-пермских языков, например в мордовских и прибалтийско-финских языках, нет специального падежа для маркирования ПД (аккузатива); в этих целях используется генитив.

- одушевленность ПД;
- временные и аспектуальные характеристики глагола;
- квантификация ПД (напр., партитивность);
- порядок слов;
- дискурсивная значимость ПД.

В принципе, сам набор факторов не удивителен ни с точки зрения типологии, ни с точки зрения уральской языковой семьи (см. ссылки выше). Важно то, что перечисленные факторы являются релевантными в анализируемых языках в различной степени. В настоящем исследовании каждый фактор будет подробно рассмотрен с точки зрения степени его релевантности, т. е. делается попытка определения «границ влияния» каждого фактора. С этой точки зрения перечисленные выше факторы образуют различные иерархии в каждом из изученных идиомов. В частности, как будет показано ниже, для печорского диалекта коми-зырянского языка более важным является коммуникативное членение предложения, для бесермянского диалекта удмуртского языка — референциальный статус и т. п. На основе анализа взаимодействия факторов мы попытаемся построить для каждого изученного идиома алгоритм выбора оформления ПД.

В ряде работ ведётся полемика о теоретической трактовке неоформленного прямого дополнения: такая ИГ может трактоваться как номинативная или же как ИГ без падежного показателя. Обоснование первого и второго решения активно дебатировались как в теоретических работах (в ряде работ вводятся также понятия «сильного» и «слабого» падежа, см. [de Hoop 1996]), так и конкретно-языковых (см., в частности, [Тужаров 1984, 1986, 1987]). В настоящей работе мы не затрагиваем данную проблему.

Работа построена следующим образом. В п. 2 рассматриваются факторы, влияющие на выбор оформления ПД в финно-угорских языках, и специфика действия данных факторов в анализируемых идиомах. Пункт 3 посвящен построению иерархии факторов для каждого идиома.

2. Факторы, влияющие на выбор оформления прямого дополнения

Дифференцированное оформление прямого дополнения в языках мира является одной из интереснейших проблем как для отдельных языков, так и с типологической точки зрения. Это связано с тем, что во многих теоретических подходах выбор падежного оформления имени относится к сфере грамматики и должен описываться строгими правилами. Однако явление дифференцированного оформления ПД (как и явления неканонического оформления подлежащего [de Hoop, de Swart 2009]) в ряде языков мира, включая финно-угорские языки, представляет яркий пример нарушения данного правила. Как показали многочисленные исследования [Nilsson 1978; Bossong 1985; de Swart 2007; Муравьева 2008; Murgavyova 1992; de Hoop 2005; Dalrymple, Nikolaeva 2011], для случаев, когда оформление не регулируется каким-либо одним грамматическим правилом (например, правилом вида «личные местоимения и имена собственные всегда оформляются аккузативом»), решающую роль играют различные дискурсивные факторы. Наиболее детально описан фактор референциального статуса ИГ, упоминаются также факторы коммуникативной роли ИГ, роль участника в структуре дискурса и т. п. Данные факторы не являются взаимонезависимыми. Например, неопределенные и неререферентные ИГ часто не имеют дискурсивной значимости (в терминах противопоставления протагонист vs. не-протагонист); дискурсивно значимые ИГ чаще входят в тему высказывания и т. д.

В силу связанности перечисленных факторов, при разных теоретических подходах это признаковое пространство может члениваться различным образом. Так, например, в ряде подходов определенность ИГ автоматически связывается с ее топикальностью (см. понятие вторичного топика в [Nikolaeva 2001]). В рамках дискурсивного анализа все эти факторы принято связывать со шкалой значимости (prominence) [de Hoop 2005; de Swart 2007].

В рамках нашего исследования мы выбираем подход, при котором данные три фактора рассматриваются независимо друг от друга. А именно, отдельно рассматривается референциальный статус ИГ, как тип соотнесенности ИГ с действительностью (точнее, с моделью действительности в сознании участников речевого акта), коммуникативная роль самой ИГ или некоторой составляющей, в которую входит данная ИГ, и дискурсивный статус ИГ. Ниже даны определения данных признаков и релевантных для нас значений этих признаков.

В первую очередь мы рассмотрим такие семантические факторы, как одушевленность, вид/время/наклонение глагола и квантификацию ПД, далее перейдем к дискурсивным факторам.

2.1. Одушевленность ПД

Одушевленность как один из факторов, влияющих на выбор оформления ПД, приводится в работах [Korhonen 1996: 222; Бубрих 1949; Федюнева 1998]. Из рассматриваемых в настоящем разделе идиомов, фактор одушевленности играет решающую роль в печорском диалекте коми-зырянского языка. В данном идиоме неоформленными могут выступать только ПД с неодушевленным референтом, например:

Коми-зырянский (печорский)

- (3) Me **dərəm** / **dərəm-sə** vur-i.
 я рубашка рубашка-ACC.3 шить-PRT
Я сшила рубашку.

Одушевленные ПД должны быть оформлены либо аккумулятивом, либо кумулятивным показателем аккумулятива и притяжательности, ср.:

- (4) Sij-a viž'-ə č'el'ad-əs / č'el'ad-sə / *č'el'ad'.
 тот-NOM стеречь-PRS.3 дети-ACC дети-ACC.3 дети
Она нянчит детей / своих детей.

В целом, во всех идиомах, рассматриваемых в настоящем разделе, правила выбора оформления ПД подчиняются типологической иерархии одушевленности:

личные местоимения > имена собственные > нарицательные обозначения людей > нарицательные обозначения животных > нарицательные неодушевленные [Silverstein 1976]

В анализируемых нами идиомах личные местоимения в позиции ПД всегда оформляются специальным показателем; имена собственные практически всегда оформляются. В остальной части шкалы, однако, оказываются релевантными другие факторы (за исключением коми-зырянского, см. (3)—(4) выше).

2.2. Временные, аспектуальные и модальные характеристики глагола

При анализе прибалтийско-финских языков авторы довольно часто указывают на связь глагольных грамматических характеристик и оформления ПД, см. [Kiparsky 2001: 332] относительно финского языка; [Tamm 2004: 37—59] относительно эстонского языка. Некоторые исследователи финно-пермских языков приводят аспектуальные характеристики глагола среди релевантных факторов ([Кондратьева 2002] для удмуртского языка; [ГМЯ: 107] для мордовских). На первый взгляд, данные характеристики могут влиять и в финно-пермских диалектах, анализируемых в настоящем разделе. При переводе изолированных предложений можно отметить тенденцию к выбору немаркированного имени в настоящем времени (5) и имени с показателем ПД — в прошедшем времени (6).

УДМУРТСКИЙ (БЕСЕРМЯНСКИЙ)

(5) So kal' skal kâsk-e.
 тот сейчас корова доить-PRS.3SG
Она сейчас корову доит.

(6) So skal-ez kâsk-i-z n'i.
 тот корова-ACC доить-PRT-3 уже
Она подоила корову.

В косвенных наклонениях довольно часто выбирается немаркированное имя, ср.:

(7) Šâd pəž't-â!
 суп варить-SG
Свари суп!

Однако, как представляется, в анализируемых нами идиомах такие примеры не являются результатом действия непосредственно факторов временных и модальных характеристик глагола. Например, в удмуртском возможно оформление ПД в косвенных наклонениях, в отличие от (7), и при актуально-длительной интерпретации настоящего времени, в отличие от (5); наоборот, в прошедшем времени в индикативе показатель ПД довольно часто опускается (см. п. 3.4 ниже).

Корреляция между видо-временными характеристиками глагола и референциальным статусом ИГ является одним из центральных вопросов в теории аспектуальной композиции [Krifka 1989a; 1989b]. С одной стороны, в ряде языков существенную роль в аспектуальной интерпретации предложения играют неглагольные компоненты, а именно внутренний аргумент предиката, который в нашем случае занимает позицию ПД. С другой стороны, видовременные характеристики глагола могут накладывать ограничения на референциальную интерпретацию ИГ. Например, в предложении *Он съел яблоки* — совершенный вид глагола влечет конкретно-референтную интерпретацию ИГ *яблоки*. Аналогично в высказывании (6), которое может служить ответом на вопрос ‘Подоила ли она корову?’ ИГ *skal* интерпретируется как определенная референтная и, соответственно, оформляется аккузативом. В (5) референт ИГ *skal* может быть неизвестен слушающему, и следовательно, ИГ не оформляется показателем аккузатива. В (7) контекст просьбы предполагает, что объект, обозначаемый ПД, не существует в действительности, а будет создаваться в результате просьбы говорящего. Следовательно, соответствующая ИГ обладает неопределенным референциальным статусом и не оформляется показателем ПД.

Иными словами, выбор оформления в таких случаях диктуется прагматическим контекстом, который восстанавливается носителем как наиболее вероятный для данного примера. Выбор времени и наклонения в (5)—(7) действует как промежуточный фактор, влияющий на референциальные и коммуникативные характеристики ИГ, если предложение употребляется изолированно, а не включено в широкий контекст. Если же данные предложения предъявить носителю не изолированно, а в рамках широкого прагматического контекста, то возможны другие стратегии оформления ПД.

В шокшинском диалекте эрзя-мордовского языка аспектуальные характеристики глагола имеют бóльшую значимость, чем в остальных исследованных в настоящей работе идиомах. В частности, в данном идиоме существует специальная стратегия оформления ПД, которая возможна только в имперфективной или хабитуальной ситуации — аблатив определенного склонения. Приведем примеры.

Эрзя-мордовский (шокшинский)

(8) а. Mon a-jar^hc-an t'et'i umar^h-t'e-nde.

я IPF-есть-PRS.1SG этот яблоко-DEF-ABL

Я ем яблоко (в настоящий момент).

б. Pet'e-s' sev-i-ze umar^h-t'.

Петя-DEF.NOM есть-PRT-3SG.O.3SG.S яблоко-DEF.GEN

Петя съел яблоко.

В (8а) представлен один из видов имперфективной ситуации, а именно актуально-длительная ситуация. ПД в этом случае оформляется определенным аблативом. Если же речь идет о перфективной ситуации в прошлом, носители могут предпочитать генитив (8б). Ср. пример с имперфективной ситуацией в прошлом:

(9) Mon kolma ij^h-t' tonaft-an ej^hkakš-t'e-nde

я три год-PL учить-PRS.1SG ребенок-DEF-ABL

angliskij-t'e, a son mez'-ak at sod-e.

английский-DAT а он что-ADD не знать-PRS.3SG

Я три года учу ребенка английскому, а он ничего не знает.

В данном случае ситуация интерпретируется как незавершенная (учу и продолжаю учить), и ПД оформляется определенным аблативом.

Однако в имперфективных контекстах в данном идиоме можно также использовать немаркированную форму имени. В отличие от прибалтийско-финских языков [Tamm 2004], в шокшинском диалекте данное противопоставление не носит характер жесткого грамматического правила (см. подробнее п. 3.2.3).

2.3. Квантификация ИГ

Тип квантификации ИГ — один из факторов, с которым традиционно связывают выбор оформления ПД в ряде языков мира [Moravcsik 1978]. Для описания типа квантифицируемого объекта мы опираемся на понятия, которые вводятся в теории акциональной композиции [Krifka 1989a]. С точки зрения данной теории предикаты, как именные, так и глагольные, могут быть охарактеризованы в терминах кумулятивности и квантованности. Квантованными

называют предикаты, обозначающие «неразделимые» объекты: для них выполняется условие, что часть объекта не может быть охарактеризована тем же языковым выражением, что и сам объект (в традиционных терминах, это предикаты, включающие исчисляемые существительные в единственном числе). Например, часть яблока не может быть охарактеризована словом *яблоко*; часть референта выражения *три яблока* не может быть названа выражением «три яблока», но может быть названа выражением *одно яблоко* или *два яблока*. Кумулятивные же предикаты, наоборот, обозначают такие объекты, у которых часть объекта может быть охарактеризована тем же языковым выражением, что и сам объект (в традиционных терминах, это предикаты, включающие неисчисляемые существительные и исчисляемые существительные во множественном числе). Например, некоторое количество супа может быть названо словом *суп*, равно как и весь суп; часть группы референтов выражения *яблоки* — два или три яблока, взятые из пяти яблок — может быть охарактеризована тем же словом, *яблоки* (см. подробнее [Krifka 1989a]). Далее, нам важно ввести понятие инкрементальности, которая определяется в указанной работе как отношение между ситуацией и ее участником, такое что части события находятся во взаимно-однозначном соответствии с частями участника. Иными словами, в каждой части ситуации задействована одна часть участника (например, часть яблока задействована в части ситуации *Ваня ест яблоко*). Отсутствие инкрементальности наблюдается при глаголах, которые обозначают ситуации, не взаимодействующие с частями объекта, например *ждать* (для ситуации «Ваня ждет автобус» нельзя выделить части ожидания, когда задействованы части автобуса), *велеть*, *убить* и др.

В ряде работ указывается на важность фактора квантификации ПД для уральских языков, см. [ГСУЯ: 93] для удмуртского языка, [Цыганкин 1977: 54] для эрзя-мордовского языка. В прибалтийско-финских языках ПД, отсылающее к части объекта (например, *налить (немного) молока*) оформляется партитивом, в отличие от тех случаев, когда объект полностью охвачен действием [Tamm 2004; Kiparsky 2001]. Согласно грамматическим описаниям [ГМЯ: 115—116], в эрзя-мордовском для выражения партитивного значения используется показатель аблатива. В эрзя-мордовском шокшинском аблатив сам по себе не имеет такой функции. Однако показатели аблатива определенного склонения (см. п. 3.2.3) имплицитно подразумевают имперфективную или хабитуальную интерпретацию значения глагола [Строева 2006]. Ср. (10) и (11): в (10) идет речь о завершенной ситуации, и используется генитив; в (11) тот же глагол употребляется для обозначения хабитуальной ситуации, и носитель использует определенный аблатив.

Эрзя-мордовский (шокшинский)

(10) Son t'i-i-ze s'indir'a stol-t.
 он делать-PRT-3SG.O.3SG.S сломанный стол-DEF.GEN
Он починил сломанный стол.

(11) Tet'a-m ojš'e aj-ti-e mašina-t'e-nde.
 отец-1SG всегда IPF-делать-PRS.3SG машина-DEF-ABL
Отец все время чинит свою машину.

Далее, однако, будет показано, что в шокшинском диалекте данный фактор не является определяющим для системы кодирования ПД. Верно утверждение, что система кодирования ПД направлена, в том числе, на отражение аспектуальных характеристик глагола. Однако это лишь один из релевантных факторов, не принадлежащий к числу самых важных.

Гораздо реже определенный аблатив используется для обозначения части кумулятивного объекта, см. подробнее п. 3.2.3.

Фактор квантификации ИГ в финно-пермских языках проявляется в кодировании ИГ с универсальным квантификатором. В исследуемых нами идиомах универсальные ИГ с эксплицитно выраженным универсальным квантификатором требуют оформления показателем ПД:

КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ (ПЕЧОРСКИЙ)

(12) Sij-a   šo-i-s   stav   šyd-sə / * stav   šyd.
тот-НОМ   есть-РРТ-3   весь   суп-АСС.3   весь суп

Она съела весь суп.

Данное правило действует для всех идиомов, рассматриваемых в настоящем разделе, кроме марийского языка.

Не вполне понятно, однако, насколько действие данного правила обусловлено именно фактором квантификации. Дело в том, что универсальные квантификаторы обычно отсылают либо к известному множеству или объекту (например, все молоко подразумевает все молоко в чашке, все дети — все дети в классе и т. д.), либо ко всем объектам такого класса. В первом случае они по определению обладают определенным референциальным статусом, во втором случае — универсальным референциальным статусом (см. п. 2.4). В обоих случаях в идиомах, рассматриваемых в настоящем разделе, необходимо оформленное ПД. Соответственно, неясно, что обуславливает выбор показателя в примерах, подобных (12) — квантификация или референциальный статус. (См. о связи данных факторов [Krifka 1989b].) Обсуждая релевантность квантификации ПД для финно-пермских диалектов, мы попытаемся разграничить обсуждаемые факторы.

2.4. Референциальный статус ПД

Анализируя явление дифференцированного маркирования ПД в языках мира, исследователи используют бинарное противопоставление определенности/неопределенности ИГ или специфичности/неспецифичности ИГ [Енç 1991; Nilsson 1978; Danon 2002]. В отличие от языков, где категория определенности/неопределенности является грамматической категорией, в данном случае мы имеем дело с референциальными характеристиками ИГ. Референцию определяют, как «соотнесение и соотнесенность языковых выражений с внеязыковыми объектами и ситуациями» [Падучева 1985: 79]. Тип соотнесенности языкового выражения с референтом определяет референциальный статус ИГ и не сводится к бинарному противопоставлению. Категория референциального статуса включает, кроме известности референта ИГ говорящему и слушающему, такие понятия как единичность, существование референта в реальном мире, описание самого референта или свойств класса похожих объектов и др. (см. подробнее [Givón 1978; Падучева 1985; Prince 1981; Gundel, Hedberg, Zacharski 1993; Haspelmath 1997; Abbott 2010] и др.)

В ряде языков существуют грамматические средства, выражающие категорию референциального статуса — артикли, специальные морфемы (тип склонения в мордовских языках) и др. Употребление данных средств довольно часто управляется рядом дискурсивных факторов, таких как степень активации в дискурсе, место в структуре дискурса (например, протагонист vs. не-протагонист), непрерывность топика и т. п. (см. подробнее [Givón 1983]). Существующие подходы к определению референциального статуса различаются

не только в плане определения конкретных типов референциального статуса, но и в инвентаре этих типов (ср., например, понятие референтности в терминологии [Падучева 1985] и специфичности в [Енç 1991]; ср. тж. типологическую шкалу в [Givón 1978] и «дискретные» типы в работе [Haspelmath 1997]).

Мы принимаем за основу классификацию референциальных статусов, предложенную в [Падучева 1985]. В данной работе проводится различие между референтным статусом — к нему относятся определенный, слабо определенный и неопределенный — и нереферентным, включающим родовой, экзистенциальный, родовой, атрибутивный и предикативный [Там же: 87—101]. Референтными называются ИГ, которые отсылают к «индивидуализированным» объектам или к множествам объектов, которые рассматриваются как единый объект [Там же: 87].

Определенный референтный статус возникает, если согласно мнению говорящего, референт ИГ может быть однозначно идентифицирован слушающим (13а). Слабо определенные ИГ обозначают объект, который «известен говорящему, но предполагается неизвестным слушающему» [Там же: 90] (13б), в противоположность неопределенным ИГ, который описывают объект, неизвестный говорящему (13в).

(13) а. Саша купил этот дом.

б. Я хочу купить один дом, но не знаю понравится ли он моей жене.

в. Саша купил какой-то дом в деревне.

В противоположность референтным ИГ, нереферентными называются ИГ, которые не обозначают индивидуализированный объект, а описывают либо класс объектов, либо объект, принадлежащий воображаемому миру. Среди нереферентных Е. В. Падучева выделяет экзистенциальные ИГ, которые описывают объект воображаемого мира («не выбранный» из множества объектов такого типа), ср.:

г. Саша хочет купить какой-нибудь дом в деревне.

Родовой референциальный статус предполагает отсылку к объекту, как типичному представителю некоторого класса (13д). Универсальными называют ИГ, которым «соответствует в семантико-прагматическом представлении высказывания квантор общности» [Там же: 95] (13е).

д. Саша занимается куплей-продажей домов.

е. Любой дом в деревне время от время требует ремонта.

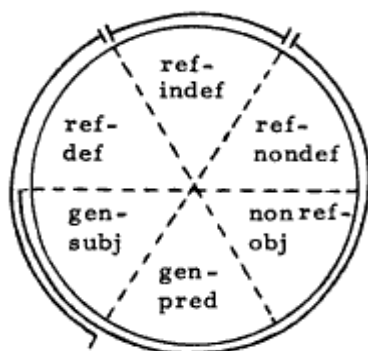
Особым образом определяется атрибутивный референциальный статус. ИГ такого типа отсылают к объекту действительности посредством описания. Например, атрибутивные ИГ возникают в контексте превосходной степени (*самый умный ученик в классе*). Другой контекст для атрибутивных ИГ — если ситуация предполагает единственность и существование референта, однако говорящий не может однозначно идентифицировать объект:

ж. Было украдено золотое кольцо с алмазами. Милиция ищет вора.

Последний тип по своим свойствам близок к определенным ИГ, что отмечается в ряде работ [Доннелан 1982]. Для данного типа соблюдается требование единичности референта и существования в реальном мире, как и для определенного референциального статуса. Это отражается на оформлении таких ИГ: например, в английском языке ИГ с таким статусом требуют определенного артикля. С другой стороны, атрибутивные ИГ не отвечают условию индивидуализированности для говорящего и слушающего. Несмотря на единственность и презумпцию существования, референты таких ИГ не известны участникам речевого акта сами по себе; говорящий указывает на них в силу умозаключения о наличии такого объекта в реальном мире.

В силу того, что некоторые типы нереферентных ИГ демонстрируют свойства определенных, в типологических исследованиях используется шкала референциальных свойств, которая отражает общие свойства родовых и определенных ИГ, с одной стороны, и нереферентных и неопределенных ИГ, с другой стороны.

Схема 1. Шкала определённости [Givón 1978: 297].

В финно-угроведении обычно говорят об «определённости/неопределённости» именной группы; ср. например, [ГСУЯ; Кондратьева 2002] для удмуртского языка, [Прокушева 1984; Цыпанов 1997] — для коми-зырянского, [Серебренников 1967] — для эрзя-мордовского, [Галкин 1964: 45; Андуганов 1991: 70] — для марийского языка. Такая точка зрения связана с тем, что, действительно, во всех идиомах, анализируемых в настоящем разделе, есть тенденция маркировать ПД с определенным референциальным статусом, в отличие от неопределенных и (за некоторыми исключениями) нереферентных ПД. Например:

Луговой марийский (Старый Торъял)

(14) а. **vaza**   *šənd-əme*   *üstel*

ваза   сажать-NZR   стол

стол, на который всегда ставят вазы²; стол «для ваз»

б. **vaza-m**   *šənd-əme*   *üstel*

ваза-ACC   ставить-NZR   стол

стол, на который сейчас поставили вазу (конкретную)

² Во всех анализируемых идиомах, кроме шокшинского диалекта эрзя-мордовского, показатели множественного числа могут опускаться на именах с множественным референтом, т. е. имеет место явление дифференцированного оформления множественных групп, см. подробнее раздел I.4 «Категория числа существительного в марийском и пермских языках».

Согласно комментарию носителя языка, в (14а), где аккузатив опущен, идет речь о столе, на который обычно ставят вазы (стол для ваз), в то время как при наличии показателя аккузатива соответствующая ИГ трактуется скорее как определенная конкретно-референтная (14б).

Данная тенденция в разной степени релевантна для анализируемых идиомов, см. подробнее п. 3. В целом, для всех идиомов характерно, что данное правило соблюдается более строго при наличии в ИГ модификаторов, эксплицитно указывающих на референциальный статус ИГ — указательных или притяжательных местоимений, неопределенных местоимений и т. п.

В эрзя-мордовском языке определенные ИГ всегда оформляются показателем генитива, в то время как для неопределенных ИГ чаще выбирается немаркированная форма. Выбор данных стратегий оформления становится обязательным при наличии модификатора, эксплицитно указывающего на определенный/неопределенный статус ПД. Такими модификаторами могут быть, например, указательные, неопределенные и притяжательные местоимения. При наличии притяжательного местоимения опущение генитива невозможно, ср. (15а,б).

Эрзя-мордовский (шокшинский)

(15) а. Son laz-y-nde ava-n' s'el'maz'e-tⁿ'in'e.

тот разбить-*PRT*-3*PL.O*.3*SG.S* мать-*GEN* очки-*PL.DEF.GEN*

б. *Son laz-s' ava-n' s'el'maz'a-t.

тот разбить-*PRT*.3*SG* мать-*GEN* очки-*PL*

Он разбил мамины очки.

в. Son laz-s' s'el'maz'a-t.

тот разбить-*PRT*.3*SG* очки-*PL*

Он разбил свои очки / чьи-то очки.

Иными словами, если определенная ИГ не содержит такого эксплицитного модификатора, возможно опущение генитива (под влиянием других факторов, релевантных для эрзя-мордовского, см. подробнее п. 3.2) — например, в (15в) возможна интерпретация ПД как определенного. Однако при наличии модификатора, эксплицитно указывающего на определенность ИГ, генитив становится обязательным.

При неопределенных местоимениях, наоборот, невозможен генитив на ПД:

(16) Mon takkam loman' ni-i-n' kardas-ne.

я некоторый человек видеть-*PRT*-1*SG* двор-*TEMP*

*Mon ni-e takkam loman'-t'

я видеть-*PRT*.3*SG.O*.1*SG.S* некоторый человек-*DEF.GEN*

Я какого-то человека видел во дворе.

В случае же если неопределенная ИГ не содержит такое местоимение, возможно генитивное оформление под влиянием других факторов, релевантных для эрзя-мордовского, см. пункт 3.2.

Кроме местоимений, на определенность ИГ могут указывать рестриктивные определения — прилагательные и причастные обороты (например *Дай мне тот стул, который стоит справа от тебя*) и посессивные показатели. Такого рода определения довольно часто имеют рестриктивную функцию — выделить из числа объектов, обозначаемых вершинным именем, некоторый конкретный

объект (или множество объектов) [Abbott 2010]. Посессивные показатели задают определенность через связь с обладателем (один из случаев навязывания пресуппозиции или т. н. эффекта «bridging», см. [Geurts 1998: 548]). В анализируемых идиомах данные модификаторы как правило не допускают ПД, выраженного немаркированным именем. Некоторые типы вершин ИГ также обычно требуют оформления — это личные местоимения, имена собственные и под. Ниже, говоря о референциальном статусе ИГ в конкретном идиоме, мы будем перечислять ограничения на оформление ПД, налагаемые разными типами компонентов ИГ.

В теоретических работах по референции иногда разграничивают понятия определенности как единичности идентифицируемого объекта (uniqueness) [Gundel, Hedberg, Zacharski 1993] или его известности слушающему (familiarity) [Prince 1981], см. [Abbott 2010] о противопоставлении данных подходов. В целом, способность слушающего единственным образом идентифицировать референт и известность этого референта — взаимосвязанные понятия, однако возможно их несовпадение. Единственным образом идентифицируемые ИГ могут быть неизвестны слушающему, например, атрибутивная ИГ в (13ж). И наоборот, ИГ, обозначающая известный слушающему объект, может идентифицироваться с различными референтами, как *одна девочка* в (17):

(17) Две девочки сидят в комнате. **Одна девочка** вышла.

В [Gundel, Hedberg, Zacharski 1993; Abbott 2010] показано, что для английского определенного артикля более значимым является понятие единичности, т. е. способность слушающего идентифицировать его единственным образом. Для финно-пермских идиомов, анализируемых в настоящем разделе (как и для турецкого языка, см. [Енç 1991]), в равной степени важной оказывается как известность участника, так и способность слушающего идентифицировать его единственным образом. В предложениях, аналогичных (17), ПД обычно оформляется по тем же правилам, что и при определенных ИГ. Сравним (18) и (19).

Коми-зырянский (печорский)

(18) Maša-lən   č'už-an   lun.   N'əb   kutčəm-kə
 Маша-GEN1   родиться-DADJ   день   покупать   какой-INDEF

kož'in / *kož'in-sə!

подарок   подарок-ACC.3

У Маши день рождения. Купи какой-нибудь подарок!

(19) Š'et   kutčəm-kə   **kož'in-sə!**
 дать   какой.TO-INDEF   подарок-ACC.3

Отдай какой-нибудь подарок [из тех, что мы купили]!

В (18) и в (19) в ИГ присутствует модификатор со значением неопределенности. Однако, если в (18) показатель аккузатива неграмматичен — ИГ имеет неопределенный нереферентный статус, который имплицирован как наличием соответствующего местоимения, так и контекстом, — то в (19), несмотря на то, что в ИГ входит маркер неопределенности и ИГ входит в рему высказывания, ПД оформляется падежным показателем. В (19) речь идет о выборе из известного слушающему множества, и при прочих равных выбирается посессивный аккузатив. В данном случае ПД является определенным в силу

известности слушающему — требование единственности, однако, не соблюдается. Так же в случае выбора из известного множества кодируется ПД в бесермянском, ср.³:

УДМУРТСКИЙ (БЕСЕРМЯНСКИЙ)

(20) Uč'it'el' kos-i-z dăš-et-ânê kwin' st'ikotvoren'ije,
учитель велеть-PRT-3 учиться-TR-INF три стихотворение

a so dăš-et-i-z odig-z-e gine.
a тот учиться-TR-PRT-3 один-3-ACC только

Учитель велел выучить три стихотворения, а он выучил только одно.

Аналогичным образом данный фактор действует в марийском и эрзя-мордовском языках.

Для неизвестных, но единственным образом идентифицируемых объектов, например, ИГ с атрибутивным референциальным статусом, в финно-пермских языках выбирается маркирование, характерное для определенных ИГ (см. примеры в пп. 3.1.2, 3.2.4, 3.3.4 и 3.4.3). То есть, и единственность, и известность являются достаточными условиями для маркирования ПД как определенного.

2.5. Коммуникативное членение предложения

Как показано в п. 2.4, в большинстве языков выбор кодирования ПД исследователи связывают с его определенностью/неопределенностью или конкретно-референтным/нереферентным статусом: определенное (конкретно-референтное) ПД маркируется аккузативом, неопределенное (нереферентное) не маркируется. Однако во многих языках, в частности, в языках, рассматриваемых в настоящей работе, такие правила часто имеют целый ряд исключений (на которые также указывают авторы, см., например, [Кондратьева 2002] относительно удмуртского языка, [Тужаров 1984: 287] относительно марийского языка). Возможность исключений связана с тем, что в ряде языков определяющим фактором является коммуникативный статус ИГ. Именно с точки зрения коммуникативной структуры высказывания формулируются правила согласования в ненецком языке [Dalrymple, Nikolaeva 2011]. В хантыйском и мансийском языках субъектно-объектный тип спряжения служит средством кодирования актанта, являющегося вторичным топиком [Nikolaeva 2001; Skribnik 2001: 229]. Правила выбора кодирования ПД часто формулируются следующим образом. Способность присоединять показатель аккузатива и контролировать согласование для вышеупомянутых языков связана с топикальным статусом актанта; если же ПД находится в реме, оно теряет способность присоединять аккузатив и/или контролировать согласование глагола (см., тж. правила выбора оформления в тюркских языках — [Johanson 1978] для турецкого, [Muravyova 1992] для тувинского).

Существующие подходы к коммуникативному членению или, шире, к информационной структуре высказывания, выделяют такие понятия, как тема vs. рема, топик vs. комментарий, фокус vs. фон, контраст, вторичный топик и др. [Vallduví 1992; Lambrecht 1994; Ertshik-Shir 2007; Nikolaeva 2001]. В настоящей работе мы используем понятие «тема», противопоставленное « реме ». Рема

³ Заметим, что в (20) не случайно выбирается не обычный аккузативный показатель, а посессивный аккузатив. Показатель аккузатива *-ez* обязательно оформляет определения, если они употребляются в качестве вершины ИГ, т. е. при субстантивации (немаркированная форма здесь недопустима). Наличие же именно посессивного аккузатива становится необходимым при отсылке к известному множеству.

определяется так же, как «фокус» в работе [Lambrecht 1994: 213]: «семантический компонент прагматически структурированной пропозиции, в котором выражается отличие ассерции от пресуппозиции»⁴ (что, по-видимому, соответствует традиционному пониманию ремы в работах [Матезиус 1967; Ковтунова 1976; Янко 2001] и др. В это понятие входит как широкий фокус, так и узкий фокус (broad/wide vs. narrow focus) в терминологии [Selkirk 1984; Lambrecht 1994] и др. То есть, к реме мы относим всю глагольную группу в предложениях (21) и (22).

(21) Что ты сегодня делала? — [Я]_{ТЕМА} [сшила [РУБАШКУ]_{ФОКУС}]_{РЕМА}

(22) Где Петя? — [Петя]_{ТЕМА} [уехал [в САНКТ-ПЕТЕРБУРГ]_{ФОКУС}]_{РЕМА}

Одним из стандартных тестов на коммуникативное членение принято считать контекст ответа на специальный вопрос. При этом к реме относят элементы, непосредственно служащие для ответа на вопрос, например глагол и ПД в (21) и глагол и обстоятельство в (22).

Тему мы далее понимаем, как часть предложения, отличную ремы. Внутри темы мы выделяем топик, который определяется следующим образом: «некоторый элемент предложения называется топиком, если в предложении сообщается информация об этом референте»⁵ [Lambrecht 1994: 131]. Например, в предложении (23) топиком является ИГ *Маша*, а к теме относятся элементы *Маша и сегодня*.

(23) Почему Маша сегодня грустная? — [[Маша]_{ТОПИК} сегодня]_{ТЕМА} [[с другом]_{ФОКУС} поссорилась]_{РЕМА}

Мы используем термин «фокус» для обозначения того элемента внутри ремы, который составляет наиболее значимую новую информацию (см. определение фокуса в [Ertshik-Shir 2007]). Например, в (21) фокусом является ПД, в (22) — обстоятельство места, в (23) — предложная группа *с другом*. Данное понятие соответствует «сфере фокуса» (focus domain) по [Lambrecht 1994]; «фокусу» в работе [Ertshik-Shir 2007]; фокусу внутри компонента «коммент» в [Krifka 1992]; ср. тж. о явлении экспансии ремы в [Янко 2001]. Как показано в ряде работ, в языках мира фокус обычно несет на себе основной фразовый акцент (так же, как если бы данный элемент сам по себе составлял рему, например, если бы предложение *Петя уехал в САНКТ ПЕТЕРБУРГ* выступало бы ответом на вопрос *Куда уехал Петя?*) и/или маркируется теми же средствами, что и узкий фокус, см. [Янко 2001; Schwabe, Winkler 2007] и др.

Мы используем понятие «контраст» для обозначения коммуникативной категории, возникающей в ситуации выбора из множества, см. [Янко 2001; Lambrecht 1994; Ertshik-Shir 2007]. Контрастным может быть как фокус, так и топик, ср.:

⁴ «The semantic component of a pragmatically structured proposition whereby the assertion differs from the presupposition».

⁵ Сокращенный вариант определения, ср. оригинал: «A referent is interpreted as the topic of a proposition if in a given situation the proposition is construed as being about this referent, i.e. as expressing information which is relevant to and which increases the addressee's knowledge of this referent».

(24) Кто тебе больше нравится, Аня или Катя? — Мне нравится КАТЯ.

(25) Как поживают твои сестры? — АНЯ вышла замуж, а КАТЯ переехала.

В обоих случаях происходит выбор из заранее заданного множества. При этом в (24) элемент *Катя* находится в фокусе контраста, в (25) элементы Аня и Катя являются контрастными топиками. Контраст на некотором элементе в составе ремы обычно делает данный элемент фокусом, контраст внутри темы — топиком.

Для выделения коммуникативных категорий, перечисленных выше, мы используем традиционные тесты на коммуникативное членение (ср. [Lambrecht 1994]), а именно: ответы на специальные вопросы (*Что ты ел? Рыбу*), контекст альтернативного вопроса (*Что ты ел, рыбу или мясо?*), контекст контрастного топика или фокуса, контекст топикальных/фокусных частиц. Кроме того, мы опираемся на примеры из текстов, если левый контекст достаточно явно указывает на коммуникативное членение предложения.

В идиомах, анализируемых в настоящей разделе, коммуникативное членение является одним из основных факторов, регулирующих выбор оформления. Для двух из них, лугово-восточного марийского и коми-зырянского языков, данный фактор оказывается важнее, чем референциальный статус ПД.

Интересно, однако, что в рассматриваемых идиомах фактор коммуникативного членения действует различным образом. А именно, в пермских языках и эрзя-мордовском языке оказывается более важным противопоставление тема vs. рема (в некотором приближении, см. подробнее пп. 3.3.3, 3.4.5 и 3.2.5). Приведем примеры из бесермянского. В этом идиоме ПД, относящееся к теме, чаще получает оформление:

УДМУРТСКИЙ (БЕСЕРМЯНСКИЙ)

(26) **Ā'orāg-ez** so ič'i š'i-i-z.
рыба-ACC тот мало есть-PRТ-3

Рыбы он немного поел {а супа целую тарелку}.

ПД в реме не оформляется:

(27) Š'ij-em-e pot-e mar-e-ke č'ārs. – Š'i jablok!
есть-NZR-1SG приходить-PRS.3SG что-ACC-INDEF кислый есть яблоко

Хочется чего-нибудь кисленького. Съешь ЯБЛОКО!

Аналогичным образом себя ведут ИГ с родовым референциальным статусом, ср. примеры на ПД в теме (28) и в реме (29).

(28) **Ž'uk-ez** deš' š'ij-ānā vāj-ān.
каша-ACC хорошо есть-INF масло-INSTR

Кашу хорошо есть с маслом.

(29) Mil'am piroški-j-e pun-o č'orāg.
мы.GEN1 пирожки-OBL-ILL класть-PRS.3PL рыба

У нас в тирогИ РЫБУ кладут.

В марийском языке действует другое правило: если ПД с предикатом имеют одинаковый коммуникативный статус (т. е. в случаях, когда ПД и глагол находятся в одной коммуникативной категории — в теме или в реме — и при этом ни ПД, ни глагол не выделяются ни в качестве топика, ни в качестве фокуса),

то ПД может не получать аккузативное оформление; в противном случае аккузатив обязателен. Например, если ПД является топиком или составляет ремю само по себе, как в (30), а предикат принадлежит другому коммуникативному компоненту, то аккузатив не может быть опущен.

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (СТАРЫЙ ТОРЪЯЛ)

(30) — Tide materjal gəč' mo-m urg-aš lij-eš?
 этот материал из что-ACC сшить-INF стать-PRS.3SG

— **Tuvər-əm** / ***tuvər** urg-aš lij-eš.

— платье-ACC / платье сшить-INF стать-PRS.3SG

Что из этого материала можно сшить? — Можно платье сшить. [Голдова, Сердобольская 2002: 117]

Если же ПД и предикат оба относятся к теме/ реме, то аккузатив может опускаться. Например, в (31) ПД и глагол составляют ответ на вопрос «Что нужно сделать Пете?», т. е. относятся к реме. В таком случае возможна немаркированная форма:

(31) — Pet'a-lan [mo-m əšt-aš] kü-l-eš?
 Петя-DAT что-ACC делать-INF быть.нужным-PRS.3SG

— Pet'a-lan [**pareŋge** erəkt-aš] kü-l-eš.

Петя-DAT картошка чистить-INF быть.нужным-PRS.3SG

Что нужно сделать Пете? — Пете нужно картошку почистить [Там же: 115].

2.6. Некоторые обобщения

В целом, можно сказать, что набор факторов, релевантных для выбора оформления ПД в финно-угорских языках, является типологически частотным. На первый взгляд, можно было бы легко суммировать полученные результаты, опираясь на дискурсивные факторы. Высокий дискурсивный статус участника в среднестатистическом предложении в нарративе с необходимостью влечет за собой одушевленность, определенность и квантованность участника; что касается коммуникативного членения, в большинстве случаев данный участник будет находиться в теме, а не в реме⁶. Таким образом, все перечисленные факторы будут принимать значение, при котором высока вероятность оформления ПД. В результате, дискурсивно значимый участник с большой вероятностью будет получать оформление.

Такой подход, однако, не позволяет четко охарактеризовать расхождения между рассматриваемыми языками. Так, в печорском диалекте коми-зырянского ПД в теме всегда получает оформление, в то время как в бесермянском это не такое жесткое правило. При этом определенные ИГ в коми-зырянском могут не оформляться, что невозможно для бесермянского. Фактор одушевленности также различным образом влияет на оформление ПД во всех рассматриваемых идиомах. В результате, при ближайшем рассмотрении оказывается, что перечисленные факторы работают различным образом во всех четырех идиомах. В каждом из них факторы можно выстроить в иерархию значимости; при этом полученные

⁶ Для марийского языка, где коммуникативное членение влияет иным образом (см. п. 2.5), данный участник чаще всего будет составлять тему высказывания, а глагол будет относиться к реме; соответственно, опять же более вероятно аккузативное оформление.

иерархии выглядят различным образом для всех четырех идиомов. Таким образом, для более полного описания рассматриваемого явления необходим многофакторный подход, который реализуется ниже.

3. Взаимодействие факторов в финно-угорских языках: иерархии и алгоритм выбора оформления ПД

Как указывалось в п. 2, в типологических работах, посвященных дифференцированному оформлению ПД, приводятся следующие релевантные факторы: одушевленность и референциальный статус объекта, вид, время, наклонение и полярность глагола, коммуникативное членение высказывания и дискурсивный статус ПД (см. [Moravcsik 1978; Comrie 1979] и др. В большинстве грамматических описаний финно-пермских языков правило выбора оформления выглядит следующим образом: аккузатив выбирается, если ПД является определенным; опущение аккузатива происходит, если ПД — неопределенное [Wickman 1955; Collinder 1957; Bese, Dezsö, Gulya 1970; Sinor 1988] и др. Таким образом, согласно источникам, главным фактором при выборе оформления является референциальный статус ПД. При этом в более поздних работах авторы указывают на то, что данный фактор не является единственно релевантным, см. полемику в [Лаврентьев 1975; Тужаров 1984; 1986] относительно марийского языка, [Кондратьева 2002] относительно удмуртского; в частности, приводятся примеры нарушения данных правил. Кроме референциального статуса, в данной связи упоминается порядок слов для марийского языка [Тужаров 1986: 99—100], одушевленность для коми-зырянского [Бубрих 1949; Федюнева 1998], квантификация ПД для мордовских [Цыганкин 1977: 54, 58], аспектуальные характеристики глагола для удмуртского [Кондратьева 2002], «важность» ПД для марийского языка [Пенгитов 1961; Галкин 1964] и т. п.

В целом, все перечисленные факторы не являются взаимонезависимыми: например, порядок слов в этих языках определяется коммуникативным членением высказывания, референциальный статус коррелирует с «важностью» участника и т. п. Возникает вопрос, как выбирается оформление ПД, если факторы действуют «разнонаправленно», например, какое оформление выбирается, если ПД отсылает к определенному, но к неодушевленному участнику, или наоборот, к неодушевленному определенному (в тех языках, где выбор оформления детерминирован этими двумя факторами, например, в коми-зырянском). Ниже мы сделаем попытку определить степень релевантности каждого фактора для рассматриваемых идиомов, и предложим выводы в виде алгоритма выбора оформления ПД.

3.1. Луговой марийский язык

В марийском языке ПД может оформляться маркером аккузатива *-ат* или оставаться без оформления. Специфика марийского языка состоит в том, что в отличие от других идиомов, рассматриваемых в настоящем разделе, в марийском языке неоформленное ПД возможно только в зависимой предикации с нефинитной формой глагола, и даже в этих контекстах оно появляется крайне редко. При этом играют роль такие факторы, как референциальный статус, порядок слов и коммуникативное членение высказывания. В любом случае, в ходе исследования нами не было обнаружено ни одного контекста, где опущение аккузатива было бы обязательно. Чаще всего носители запрещают примеры с опущением аккузатива; в тех же контекстах, где аккузатив опущен (см. правила, сформулированные в п. 3.1.3), носители всегда разрешают его восстановить.

Поэтому все отмеченные закономерности относительно отсутствия маркера аккузатива на ПД имеют вид предпочтений носителей, а не жестких грамматических правил.

3.1.1. Синтаксические ограничения

Наиболее жесткий запрет на оформление ПД в марийском языке связан с типом клаузы: показатель ПД обязателен в финитной предикации (см. об этом [Пенгитов 1961; Тужаров 1987] и др.):

(32) Tudo **poŋg-əm** /***poŋgo** pog-en.
 он гриб-ACC гриб собирать-PRT
Он собирал грибы.

(33) Č'odəra-šte kaj-že da **poŋg-əm** /***poŋgo** pog-əžo.
 лес-INESS идти-OPT и гриб-ACC гриб собирать-OPT
Пусть пойдет в лес, наберет грибов.

Опущение аккузатива возможно только в различных видах нефинитных клауз⁷, например при инфинитиве (34), номинализации (35), различных причастиях (36) и деепричастиях (37).

(34) Məj č'odəra-š **poŋgo** pog-aš kaj-em.
 я лес-LAT гриб собирать-INF идти-PRS.1SG
Я иду в лес за грибами.

(35) Mašina nal-me de-č' onč'əč' ač'a motocikl de-ne kudaləšt-ən.
 машина брать-NZR около-EL перед отец мотоцикл около-INESS ездить-PRT
Перед тем, как купили машину, отец ездил на мотоцикле.

(36) Təj **küiməž-sovla**⁸ muš-šaš ul-at.
 ты блюдо-ложка мыть-PTCP.FUT быть-PRS.2SG
Ты должен помыть посуду.

(37) **Poŋgo** pogə-šəla korn-əm jomdar-en-am.
 гриб собирать-CONV.SIM дорога-ACC терять-PRT-1SG
Когда грибы собирала, я дорогу потеряла.

Интересно, что в этом смысле так себя ведет глагольная основа, которая может оформлять зависимую предикацию при модальном глаголе *kertaš* 'мочь', а также в целевой клаузе с инфинитивом:

(38) Məj **tuvər** kəč'al kaj-em.
 я рубашка искать идти-PRS.1SG
[Я потерял свою рубашку.] Я иду искать рубашку.

⁷ Точнее, при формах, не противопоставленных по признаку финитности/нефинитности, например, инфинитивы, причастия, деепричастия, причем только в тех клаузах, где данные формы сами по себе не выступают вершиной независимого предложения, см. запрет на немаркированное имя в (53). Если же данные формы выступают в зависимой предикации или в аналитической конструкции при связке (50), опущение показателя допускается.

⁸ Композит со значением «посуда».

Если нефинитная предикация выступает в независимом предложении без связки, опущение показателя невозможно, ср. пример с инфинитивом:

- (39) Mo-lan **omsa-m** / ***omsa** petər-aš?
что-DAT дверь-ACC дверь закрывать-INF
Зачем запираешь дверь?

Ср. пример (40) с инфинитивом в целевой конструкции:

- (40) **Omsa** petər-aš kaj!
дверь запираешь-INF идти
Иди запири дверь!

В отличие от (39), в (40) допустимо опущение аккузатива.

Следующий жесткий запрет на выбор оформления связан с порядком слов. Показатель ПД обязателен, если ПД и глагол линейно разрываются (см. тж. [Тужаров 1986: 99]):

- (41) а. Rvez-ən motor-ən **poč'elamut** lud-m-əž-lan
мальчик-GEN хорошо-ADV стихотворение читать-NZR-3SG-DAT
tun-əkt-əšo kuan-en.
учить-TR-PTCP.ACT радоваться-PRT
- б. Rvez-ən **poč'elamut-əm** / ***poč'elamut** motor-ən lud-m-əž-lan ...
мальчик-GEN стихотворение-ACC / стихотворение хорошо-ADV читать-NZR-3SG-DAT
Учитель рад, что ученик хорошо читает стихи.

Таким образом, опущение аккузатива возможно в том случае если ПД занимает линейную позицию непосредственно слева от глагола в нефинитной зависимой предикации (ср. замечания о семантической инкорпорации в п. 3.1.4).

3.1.2. Референциальный статус

Как было показано в п. 2, во всех анализируемых языках одним из наиболее релевантных факторов выбора оформления ПД (в нефинитных клаузах) является референциальный статус. Этим фактором объясняют выбор немаркированного оформления прямого дополнения и ряд мариеведов. Так, И. С. Галкин пишет: «Винительный падеж с суффиксом *-m-* в современном марийском языке... употребляется для выражения известного, определенного прямого дополнения... Если же нужно выразить неопределенное дополнение, обычно употребляется форма имени без суффикса *-m-*, совпадающая с формой именительного падежа» [Галкин 1964: 45]. Ср. тж. [Серебренников 1964; Андуганов 1991: 70]. Альтернативная точка зрения представлена в работах [Пенгитов 1961; Лаврентьев 1975; Тужаров 1984; 1986].

В староторьяльском говоре лугово-восточного марийского языка определенные ИГ чаще оформляются показателем аккузатива, а неопределенные и нереферентные ИГ довольно часто не оформляются, ср.:

- (42) **Rvez-əm** šel-m-əž-lan Pet'a-m č'ot vurs-en-ət.
мальчик-ACC ударить-NZR-3SG-DAT Петя-ACC сильно ругать-PRT-3PL
Когда Петя мальчика ударил, его очень ругали.

(43) **Rveze** šel-m-əž-lan Pet'a-m č'ot vurs-en-ət.
 мальчик ударить-NZR-3SG-DAT Петя-ACC сильно ругать-PRT-3PL
Когда Петя мальчика ударил, его очень ругали.

В (42) ПД является определенным в силу упоминания в предтексте. Согласно суждению информантов, при опущении аккузатива пример интерпретируется как «Петя побил какого-то мальчика» (43), т. е. референт ПД неизвестен слушающему.

ИГ с неопределенным и нереферентным референциальным статусом довольно часто не оформляются аккузативом. Приведем примеры:

- неопределенный

(44) **Məj** teŋgeč'e ač'a-m-ən serəš nal-m-əž-əm pal-em.
 я вчера отец-1SG-GEN письмо брать-NZR-3SG-ACC знать-PRS.1SG
Я знаю, что отец вчера получил письмо.

- экзистенциальный

(45) **Kolkoz-ən** šof'or kəč'al-m-əž-əm pal-em.
 колхоз-GEN шофер искать-NZR-3SG-ACC знать-PRS.1SG
[В нашем колхозе нет тракториста. Я знаю, что] колхоз шофера ищет.

- родовой

(46) **Təj** mo erg-əč'-ən araka jü-m-əž-lan kuan-et mo?
 ты Q сын-2SG-GEN самогон пить-NZR-3SG-DAT радовать-PRS.2SG Q
Разве тебе нравится, что твой сын пьет самогон?

- универсальный

(47) **Ajdem-ən** keč'-mogaj kniga(-m) lud-m-əž godəm...
 человек-GEN хоть-какой книга-ACC читать-NZR-3SG во.время
Пока человек любые книги читает...

Иными словами, для выбора оформления ПД оказывается релевантно противопоставление определенных vs. неопределенных /нереферентных ИГ в позиции ПД. Такой вывод согласуется с обобщениями в перечисленных работах.

Как отмечалось в п. 2.4, некоторые классы лексем могут определять референциальные свойства ИГ, в которую они входят. Рассмотрим следующие классы лексем: личные, возвратные, реципрокальные и указательные местоимения, имена собственные и уникальные объекты, которые обычно имеют определенный референциальный статус. Кроме того, на оформление ПД может влиять наличие показателя посессивности на вершине ИГ, наличие в ИГ рестриктивных определений и др. Рассмотрим, как оформляются такие типы ИГ в марийском языке.

При упомянутых выше разрядах местоимений опущение аккузатива невозможно, например:

(48) **Təj-əm** / *təj už-de məj ku-što ul-m-et-əm pal-em.
 ты-ACC ты видеть-NEG.CONV я где-INESS быть-NZR-2SG-ACC знать-PRS.1SG
Я тебя не вижу (букв. тебя не видя), но знаю, где ты.

Опущение аккузатива также невозможно при наличии рестриктивных определений:

- (49) Teŋgeč'e nal-me üj-əm / * üj kond-aš küšt-əš-əm.
 вчера брать-NZR масло-ACC масло приносить-INF велеть-NARR-1SG
Я тебя просила принести масло, которое мы вчера купили.

Однако все остальные типы определенных ИГ в той или иной степени допускают опущение аккузатива. Примеры без аккузатива зафиксированы для уникальных объектов, которые во многих языках оформляются, как определенные:

- (50) Keč'-əm / keč'e onč'-aš jörat-əše jeŋ-vlak er kən'el-ət.
 солнце-ACC солнце смотреть-INF любить-PTCP.ACT человек-PL рано встать-PRS.3PL
Люди, которые любят встречать (букв. смотреть на) солнце, встают рано.

На вопрос о грамматичности примера с опущением аккузатива на ПД с посессивным показателем носители языка обычно запрещают такой пример:

- (51) Ava-že erg-əž-əm poškudo deč' šorvond(-əž)-əm / šorvondo/
 мать-3SG сын-3SG-ACC сосед из грабли-3SG-ACC / грабли
 *šorvond-əž nal-aš jod-ən.
 грабли-3SG брать-INF просить-PRT
Мать попросила сына взять у соседа грабли.

Однако подобные примеры встречаются в спонтанной речи носителей, а также при опросе, если не акцентировать внимание на оформлении ПД (см. тж. [Тужаров 1986: 102]):

- (52) Məj voštonč'əš-əšto üp-em / üp-em-əm
 я зеркало-INESS волосы-1SG волосы-1SG-ACC
 šer-m-em-əm už-am.
 расчесывать-NZR-1SG-ACC видеть-PRS.1SG
Я смотрю в зеркало, как я расчесываюсь.

Некоторые колебания наблюдаются с именами собственными в позиции ПД: в принципе, носители чаще запрещают опущение показателя, однако иногда подобные примеры допускаются:

- (53) Jəvan kəč'al-še rveze
 Иван искать-PTCP.ACT мальчик
мальчик, который искал Ивана

Опущение аккузатива невозможно, в случае если вершина ИГ оформляется модификаторами, выраженными притяжательными (54), указательными местоимениями (55), рестриктивными определениями или определительными предложениями (56).

- (54) təj-ən šol'-əč'-əm / *šol'-əč' kər-əše rveze
 ты-GEN младший.брат-2SG-ACC младший.брат-2SG бить-PTCP.ACT мальчик
мальчик, который побил твоего младшего брата

(55) Joč'a-vlak ač'a-ž-ən **tide pört-əm** / *pört əšt-əm-əž-əm pal-at.
 ребенок-PL отец-3SG-GEN этот дом-ACC дом делать-NZR-3SG-ACC знать-
 PRS.3PL

Дети знают, что отец построил этот дом.

(56) **Mogaj gazet-əm** / *gazet təlat ač'a-t nal-aš küšt-en?
 какой газета-ACC газета ты.DAT отец-2SG брат-INF велеть-PRT

Какую газету тебе отец велел купить?

Далее, неопределенные и нереферентные ИГ довольно часто оформляются аккузативом, ср. пример (57) на ИГ с экзистенциальным статусом и (58) на ИГ с родовым референциальным статусом.

(57) Urem-əšte **pəgəs-əm** už-aš saj-lan ogəl.
 улица-INESS кошка-ACC видеть-INF хорошо-DAT NEG.PRS.3SG

Когда кошку на улице увидишь, это плохой знак.

(58) Pij **joč'a-vlak-əm** pur-aš tünal-ən.
 собака ребенок-PL-ACC кусать-INF начинать-PRT

Собака начала кусать детей.

Согласно суждению носителей, в данных примерах нельзя опустить показатель аккузатива. (Объяснение для данного факта предложено в п. 3.1.3.)

Показатель аккузатива не может быть опущен при вершинах ИГ и при модификаторах, которые эксплицитно указывают на его неопределенность или нереферентность. Например, это происходит, если вершина ПД — вопросительно-относительное или неопределенное местоимение:

(59) **Mo-m** /*mo təlat ač'a-t nal-aš küšt-en?
 что-ACC что ты.DAT отец-2SG брат-INF велеть-PRT

Что тебе отец велел купить?

Опущение показателя аккузатива возможно при различного рода модификаторах, не указывающих на определенный референциальный статус, например, при нерестриктивных определениях различного типа (ср. пример (60) с модификатором, оформленным атрибутивом), в том числе в конструкции с соположением (61), при числительных и различного типа количественных группах (62)—(64).

(60) Ač'a-že erg-əž-əm **tač'-əse gazet-əm** / gazet
 отец-3SG сын-3SG-ACC сегодня-ATTR газета-ACC газета
 nal-aš kolt-en.
 брат-INF посылать-PRT

Отец послал сына купить сегодняшнюю газету.

(61) Ava-m **pursa šür-əm** / šür šol-t-aš tünal-ən.
 мать-1SG горох суп-ACC суп вариться-TR-INF начинать-PRT

Мать начала гороховый суп варить.

(62) **Šuko olma-m / olma kudalt-aš logal-eš.**

много яблоко-ACC яблоко бросать-INF попадать-PRS.3SG

Много яблок пришлось выкинуть.

(63) **Tič'maš banka pomidor / pomidor-əm koč'-m-əž-lan**

целый банка помидор помидор-ACC есть-NZR-3SG-DAT

ava-m šol'-əm-əm vurs-en.

мать-1SG младший.брат-1SG-ACC ругать-PRT

[Моя] мать поругала [моего] младшего брата за то, что он съел целую банку помидор.

(64) **Kok banka kompot-əm / kompot koč'-m-em-lan**

два банка компот-ACC компот есть-NZR-1SG-DAT

ava-m māj-əm vurs-en.

мать-1SG я-ACC ругать-PRT

[Моя] мать поругала меня за то, что я съел две банки компота.

Также возможно опущение показателя при существительном с показателем множественного числа⁹ (65), при сочинении ИГ в позиции ПД (66) и при наличии универсальных модификаторов (67):

(65) **peledəš-vlak kond-əšo üdər**

цветок-PL приносить-PTCP.ACT девочка

девочка, которая принесла цветы

(66) **Poŋgo den saska rog-aš kaj-em.**

гриб и ягода собирать-INF идти-PRS.1SG

Я иду ягоды и грибы собирать.

(67) **Ava joč'a-n küvar ümba-k č'əla kniška kəšk-əm-əž-əm už-en.**

мать ребенок-GEN пол навверх-ILL все книга бросать-NZR-3SG-ACC видеть-PRT

Мать увидела, что ребенок разбросал все книжки по полу.

Заметим, что в отличие от марийского, в пермских и эрзя-мордовском языках опущение показателя ПД в контексте универсального модификатора невозможно.

Таким образом, опущение аккузатива возможно в том случае, если ПД не включает модификаторы, перечисленные перед примерами (54)—(56). Заметим, что правило обязательности аккузатива при некоторых типах модификаторов нельзя объяснить влиянием фактора референциального статуса ПД, который трактуется как основной в работах [Галкин 1964; Серебренников 1964; Андуганов 1991]. Действием принципа «определенные ИГ оформляются аккузативом, неопределенные ИГ не оформляются» можно объяснить невозможность опущения показателя при личных местоимениях и в ИГ с рестриктивными

⁹ В отличие от некоторых других языков с дифференцированным маркированием ПД и дифференцированным маркированием множественного числа, например адыгейский язык [Рогавя, Керашева 1966: 62—64], язык хуп [Erps 2010: 94]. О дифференцированном маркировании множественного числа в марийском языке см. I.4 «Категория числа существительного в марийском и пермских языках».

определениями различных типов. Однако вопросительные местоимения, которые вводят ИГ с неопределенным референциальным статусом (59), также не допускают выбор оформления. И наоборот, некоторые типы ИГ, имеющие определенный референциальный статус — имена собственные (53) и имена с притяжательным показателем (52) — допускают опущение аккузатива. То есть, ограничения на модификаторы в ИГ не всегда обусловлены именно референциальным статусом ПД. Объяснение выбора в данных примерах будет предложено в п. 3.1.3.

3.1.3. Коммуникативное членение предложения

В работах [Пенгитов 1961; Галкин 1964] правило выбора оформления ПД формулируется в терминах, косвенным образом указывающих на важность фактора коммуникативного членения предложения. Ср. [Пенгитов 1961: 67]: «если говорящий не акцентирует внимания на нем (на ПД. — *С. Т., Н. С.*), то суффикс винительного падежа опускается» и [Галкин 1964: 45–46]: если употребляется «неоформленный винительный падеж... основное внимание в таком случае обращено на действие».

В работе [Толдова, Сердобольская 2002] показано, что для марийского языка более значимым фактором, чем референциальный статус, является информационная структура высказывания. А именно, релевантным является вопрос о соотношении коммуникативных статусов ПД и глагола. В случае если ПД и глагол имеют разные коммуникативные статусы, требуется обязательное оформление ПД винительным падежом; если же ПД и глагол находятся в одном коммуникативном компоненте высказывания (теме или реме) и в пределах данного компонента имеют одинаковый коммуникативный вес (ни глагол, ни ПД не являются фокусом/топиком сами по себе), возможно опущение показателя. Поясим это на примерах.

(68) **Kniga-m / *kniga lud-aš kül-eš, a kušked-aš ogəl.**
 книга-ACC / книга читать-INF быть.нужным-PRS.3SG а рвать-INF NEG.PRS.3SG
Книги читать нужно, а не рвать. [Толдова, Сердобольская 2002: 119]

(69) **Tide materjal gəč' tuvər-əm / *tuvər urg-aš kül-eš, a jubk-et-še tāj-ən tüč'a.**
 этот материал из платье-ACC / платье шить-INF быть.нужным-PRS.3SG а юбка-2SG-PTCL ты-GEN множество

Из этого материала платье надо шить, а юбка у тебя полно [Там же: 119].

В (68) фокус контраста находится на предикате, ПД же входит в тему высказывания. В (69) фокусом контраста является ПД *tuvər-əm*. И в том, и в другом случае вариант с опущением аккузатива расценивается как недопустимый.

Если же фокусом контраста является вся глагольная группа, показатель винительного падежа не обязателен:

(70) **Məj-əm urem-əšte kəlm-əm-əže ogəl, a upš-əm / upš upšal-m-əže kuandar-a.**
 я-ACC улица-INESS мерзнуть-NZR-3SG NEG.PRS.3SG а шапка-ACC / шапка надевать.шапку-NZR-3SG радовать-PRS.3SG

Меня радует, что он не мерз на улице, а шапку надел [Там же: 119—120].

В (70) ситуация «мерзнуть на улице» противопоставляется ситуации «надеть шапку». При этом в фокусе контраста оказывается вся глагольная группа, и допускаются оба способа оформления ПД.

Аналогичным образом, в контексте альтернативного вопроса при узком фокусе на ПД или глаголе аккузатив обязателен:

(71) Č'aj-əm/ *č'aj əšt-aš kül-eš ale kof'-əm?
чай-ACC / *чай сделать-INF быть.нужным-PRS.3SG или кофе-ACC
Чай сделать или кофе? [там же: 120]

(72) Šör-əm / *šör ərəkt-aš ale šol-t-aš kül-eš?
молоко-ACC / молоко подогреть-INF или кипеть-TR-INF быть.нужным-PRS.3SG
Молоко вскипятить или просто подогреть? [Там же: 120]

Если же в фокусе альтернативного вопроса выступает вся глагольная группа целиком, аккузатив может быть опущен:

(73) Č'aj əšt-aš kül-eš mo?
чай делать-INF быть.нужным-PRS.3SG Q
Не нужно ли чай сделать? [Там же: 120]

Правило выбора оформления ПД в марийском языке можно сформулировать следующим образом: если глагол и ПД оказываются в одном темарематическом компоненте, возможно опущение аккузатива. В противном случае (глагол принадлежит теме, ПД — реме или наоборот) аккузатив обязателен. Иными словами, противопоставляется широкий фокус на глагольной группе и узкий фокус в ее составе. В [Голдова, Сердобольская 2002] данное правило подтверждается в результате анализа ряда диагностических контекстов на тип коммуникативного членения, в том числе рассматривается поведение ПД, глагола и глагольной группы в контексте фокуса специального и альтернативного вопроса, фокуса контраста и различных дискурсивных частиц. (См. подробнее [Там же]; аналогичное правило формулируется в работах по дифференцированному маркированию ПД в турецком [Johanson 1978] и тувинском [Muravyova 1992] языках.)

Уточним, что данное правило не определяет выбор оформления полностью: как уже отмечалось выше, оно определяет, когда невозможно опущение аккузатива; в случае же если ПД и глагол находятся в одном тема/рематическом компоненте, могут быть выбраны оба варианта оформления. При этом на выбор в каждом конкретном случае может оказывать влияние референциальный статус ПД (см. 2.4) и его дискурсивная значимость. Мы предполагаем, что аккузатив выбирается тогда, когда ПД составляет фокус внутри ремы, а опущение показателя сигнализирует об отсутствии фокусного выделения на ПД. Если участник, обозначаемый ПД, имеет высокую дискурсивную значимость, то он оказывается выделен и с точки зрения коммуникативного членения, точнее, он является фокусом внутри ремы. Тенденцию к акцентному маркированию нового значимого участника в дискурсе (протагониста) имеют также ИГ в остальных финно-пермских диалектах, анализируемых в настоящей разделе.

Если же участник не является дискурсивно значимым, то ПД не является фокусом; в таком случае, по-видимому, фокус отсутствует как таковой: вся рема образует нерасчлененную с точки зрения коммуникативного членения единицу (см. «чай сделать» в (73)). Соответственно, ПД не оформляется аккузативом.

Аналогичным образом объясняются «нарушения», связанные с обязательным маркированием неопределенных и нереперентных ИГ, отмеченные

в (56)—(59). Как показано в работе [Толдова 2000], модификация нерестриктивным определением, неопределенным местоимением или другим специальным средством, задающим нереферентный референциальный статус, может служить сигналом о том, что данный референт будет играть важную роль в дальнейшем дискурсе (например, *Едут они дальше. Увидели большой черный камень. На камне написано...*). Неопределенный/нереферентный участник, не играющий значимую роль в дискурсе, чаще всего выражается нераспространенной ИГ (например, *Он шел по дороге дальше, мимо изгородей, деревьев, пока не вошел в лес*). Иными словами, сам факт наличия модификатора довольно часто свидетельствует о дискурсивной значимости участника. В таком случае участник в фокусе и, следовательно, маркируется аккузативом.

В примерах (57) и (58) ПД также является фокусом: в первом случае внимание слушающего акцентируется на участнике кошка, имеющем родовой референциальный статус. Этот участник в данном контексте приобретает особую значимость в силу экстралингвистических причин. В (58) важно акцентировать внимание слушающего на том, что собака начала кусать не только взрослых людей, но и детей. Соответственно, ПД в данных примерах является фокусом и получает особое ударение, что отражается на невозможности опустить показатель аккузатива.

Что характерно, немаркированное ПД чаще всего выступает в роли так называемого «тематического аргумента» (ср. понятие «квазиинкорпорации» существительного в [van Geenhoven 1998]), где существительное скорее уточняет семантику глагола, задавая ограничения на семантический класс аргумента, но не обозначает какого-либо индивидуализированного участника ситуации. Это происходит, когда ПД представляют собой «типизированного» участника ситуации — имеются в виду такие прагматически частотные ситуации, как, напр., «ловить рыбу», «мыть руки», «мыть посуду», «печь пироги» и т. п.:

(74) Iza-m   keč'əval de-č'   vara   **pu**   šeləšt-aš   tūŋal-ən.
старший.брат-1SG обед   около-EL   после   дрова   рубить-INF начинать-
PRT

Брат начал дрова после обеда рубить.

(75) Məj   **poŋgo**   rog-aš   kaj-em.
я   гриб   собирать-INF   идти-PRS.1SG

Я иду собирать грибы.

В таких примерах носители выбирают немаркированное ПД вне зависимости от его референциального статуса. Следует также уточнить, что если в других контекстах опущение аккузатива — лишь один из равновозможных вариантов (ср. варианты через косую черту в (84)—(88)), то при переводе предложений, описывающих типовую ситуацию, все опрошенные нами носители в первую очередь предлагают пример без аккузатива. Такие контексты представляют собой типичный случай отсутствия фокуса в составе ремы — глагол вместе с ПД осмысливается говорящим, как описание ситуации без особого выделения пациентива (см. аналогичное объяснение для турецкого языка в [Муравьева 2008]).

Итак, в случаях, где оформление ПД показателем аккузатива не регулируется строгими правилами (ограничения по финитности, ограничения на порядок слов, ограничения на лексико-грамматический класс ПД), фактор коммуникативного членения для марийского языка оказывается более значимым, чем референциальный статус. Если ПД и глагол находятся в одном коммуникативном компоненте, возможно опущение аккузатива. В противном

случае показатель аккузатива обязателен. Наиболее характерными случаями опущения являются контексты с т. н. типовой ситуацией.

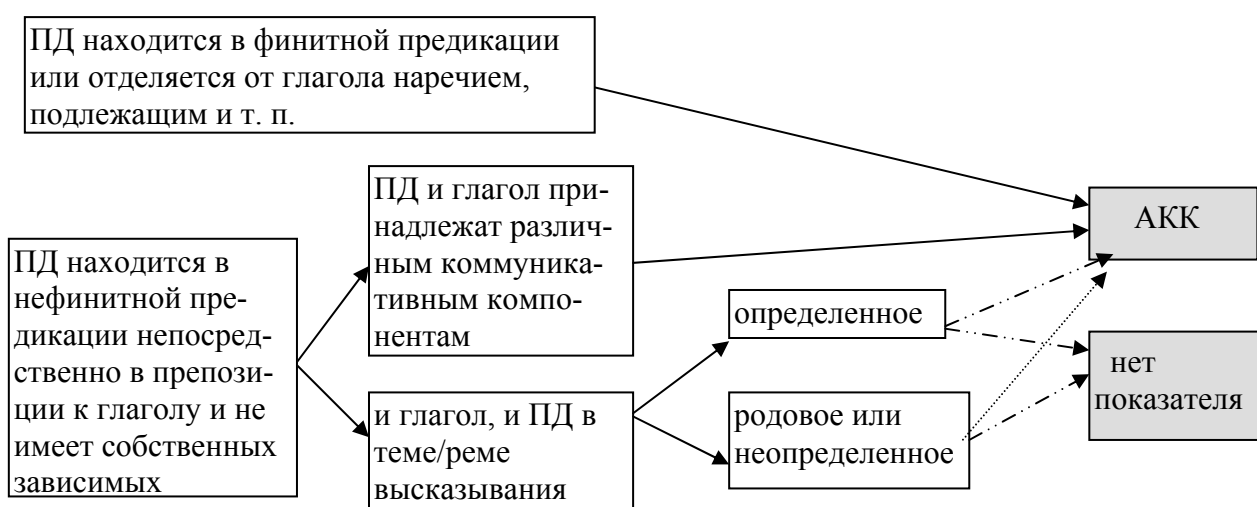
3.1.4. Обобщение

Итак, выбор оформления ПД в марийском языке зависит от следующих факторов:

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ > КОММУНИКАТИВНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ > РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС

Можно представить правило взаимодействия факторов в виде следующего алгоритма:

Схема 2. Выбор оформления ПД в лугово-восточном марийском языке¹⁰

Попытаемся объяснить обнаруженные закономерности. Как представляется, немаркированное ПД в марийском языке имеет особый синтаксический статус. Некоторые синтаксические и семантические ограничения, сформулированные в пп. 3.1.1, 3.1.2 и 3.1.3, похожи на сходные утверждения, которые делаются для языков с инкорпорацией ПД (см. [Муравьева 2008]). Характерно, что немаркированное ПД в марийском языке не может отделяться от глагола другими элементами (41) и не может иметь рестриктивные модификаторы (54)—(56). Характерно также, что контекст, где чаще всего встречается немаркированное ПД — это контекст т. н. типовой ситуации, см. (74)—(75). Можно было бы предположить, что немаркированное ПД в марийском языке инкорпорируется в глагол, как в океанийских языках, отсюда требование, чтобы такое ПД и глагол находились в одном тема/рематическом компоненте высказывания.

Принятию такой точки зрения препятствуют, однако, факты, обнаруженные при анализе состава ИГ — как было показано в п. 3.1.2, без показателя аккузатива

¹⁰ Степень обязательности правил отражена в схеме с помощью типа стрелки. Сплошные стрелки обозначают строго обязательные правила, пунктирные — случаи, где наблюдается вариативность оформления. Полупунктирные стрелки обозначают большую вероятность, чем стрелки, состоящие из точек. В данной схеме и в схемах для других идиомов мы не учитываем те ограничения, которые связаны с лексико-семантическими классами ИГ, однозначно задающими выбор оформления ПД, см. п. 3.1.2.

могут выступать сочиненные ИГ в позиции ПД, количественные группы любого типа и ИГ с нерестриктивными модификаторами. Наличие модификаторов обычно невозможно при инкорпорации ПД, однако зафиксированы редкие примеры языков, где это возможно, например западный гренландский [van Geenhoven 1998]. В турецком языке конструкция с неоформленным именем и глаголом при дифференцированном маркировании ПД проявляет свойства квазиинкорпорации [Муравьева 2008], тем не менее допуская модификаторы при неоформленном имени. Возможность неоформленных сочиненных ИГ, а также количественных групп любого типа (см. п. 3.1.2) представляется более серьезным аргументом против трактовки данных марийского языка как инкорпорации или квазиинкорпорации.

Семантически, однако, марийская конструкция проявляет значительное сходство с квазиинкорпорацией в океанийских языках и турецком. Семантические факторы, регулирующие выбор между конструкцией с квазиинкорпорацией и альтернативной конструкцией в перечисленных языках, практически идентичны факторам, релевантным для марийского: согласно [Муравьева 2008], «неоформленное имя, как и инкорпорированное, характеризуется категориальным прочтением (= что соответствует атрибутивному статусу в классификации Е. В. Падучевой. — С. Т., Н. С.), имеет нереферентное или по крайней мере неконкретное употребление, не обладает темо-рематической выделенностью по сравнению со словом-хозяйном и обычно выражает нерелевантный для дискурса объект».

Таким образом, синтаксически и семантически конструкции с немаркированным именем в марийском языке в значительной мере сходны с конструкциями квазиинкорпорации. Некоторые синтаксические свойства — способность выражаться сочиненными ИГ и количественными группами — невозможны для квазиинкорпорации. В свете этого, мы предлагаем расширить понятие квазиинкорпорации для включения марийских данных в общетипологическую картину.

3.2. Эрзя-мордовский язык (шокшинский диалект)

3.2.1. Взаимодействие правил оформления ПД и выбора спряжения глагола

Как и во многих прибалтийско-финских языках, в мордовских языках нет специального падежа для кодирования ПД. В этой функции используется генитив, т. е. падеж, маркирующий зависимое в ИГ. В отличие от пермских языков, в мордовских языках гораздо реже используются посессивные показатели, однако существует ряд грамматических средств, кодирующих различные типы ПД. Во-первых, механизм оформления ПД взаимодействует с выбором спряжения глагола. Имеется противопоставление двух спряжений, субъектно-объектного (77) и безобъектного (76).

При непереходных глаголах употребляется форма безобъектного спряжения:

(76) Pet'e-s'   pejd'i-z'iv-s'.
 Петя-DEF.NOM   смеяться-INCH-PRT.3SG
Петя засмеялся.

Переходные глаголы допускают как субъектно-объектное, так и безобъектное спряжение:

(77) Son mi-i-ze kudu-t'.
 тот продавать-PRT-3SG.O.3SG.S дом-DEF.GEN
Он продал дом.

(78) Son rama-s' kuda.
 он купить-PRT.3SG дом
Он купил дом.

Чаще всего, выбор спряжения коррелирует с выбором оформления ПД: генитив требует субъектно-объектного спряжения, ср. (77); немаркированная форма ПД — безобъектного спряжения (78). Однако в шокшинском диалекте зафиксированы случаи, когда генитив ПД выбирается при безобъектном спряжении (83). То есть, соответствие оформления ПД и спряжения не является взаимно-однозначным.

Во-вторых, в мордовских языках, кроме непосредственно выбора падежного оформления, оказывается релевантным выбор склонения имени — определенного или основного (неопределенного). Выбор склонения определяется референциальным статусом имени, ср. (79) и (80), однако иногда оказывается релевантным коммуникативное членение высказывания и другие факторы.

(79) П' syn-st styr'i-ηge.
 быть они.GEN-3PL девочка-DIM
{Жили-были старик со старухой.} И была у них дочь.

(80) Styr'i-ηgi-t' er'a-mu-s' ploha tii-v-s'.
 девочка-DIM-DEF.GEN жить-NZR-DEF.NOM плохо делать-VAL-PRT.3SG
{Когда у старика жена умерла, взял он себе другую жену.} Плохое житье стало (букв. сделалось) у дочери старика.

В-третьих, кроме собственно немаркированной формы и генитива, в эрзя-мордовском шокшинском¹¹ используются грамматикализованные показатели пространственных падежей определенного склонения. Это маркер *-tende/-t'ende*, представляющий собой показатель датива, иллатива и аблатива единственного числа определенного склонения, и *-(t'n'i)n'ende* — показатель аблатива и иллатива множественного числа определенного склонения. Парадигма для данных падежей приведена в таблице 2.

Таблица 2. Парадигма датива, аблатива и иллатива в эрзя-мордовском шокшинском

Падеж	Основное склонение	Определенное склонение	
Число	единственное / множественное число	единственное число	множественное число
DAT	-t'e, -te	-te-nde, -t'e-nde	-(t)ni-n'e, -nyn'
ABL	-da, -d'e, -de		-(t)nin'e-nde, -(ny)n'e-nde
ILL	-s		nde

Формы *-tende/-t'ende* и *-(t'n'i)n'ende* в эрзя-мордовском шокшинском используются для маркирования ПД. Можно считать, что данные показатели в

¹¹ В литературных мокша- и эрзя-мордовских языках в партитивном контексте в ПД употребляется показатель аблатива основного склонения *-da/-de/-do*, см. [ГМЯ: 115—116; Якубинская-Лемберг 1962; Alhoniemi 1991; Bartens 1996; Цыганкин и др. 2000: 84].

современном языке грамматикализовались в показатели ПД, т.к. они употребляются при переходных глаголах в дополнительном распределении с немаркированной формой имени и генитивом:

(81) Ava-m aj-kaja-s' lovca / lovcu-t'e-nde kružka-v,
 мать-1SG IPF-наливать-PRT.3SG молоко молоко-DEF-ABL кружка-LAT
 no ez'-i-ze kaja-k pes.
 но NEG-PRT-3SG.O.3SG.S налить-CN полностью

Мама наливала молоко в чашку, но не долила (не налила полностью).

Употребление данных показателей ограничено сферой неопределенных глаголов и партитивных ПД. Такое развитие значений характерно для аблативных показателей в большей степени, чем для датива и иллатива (в частности, такое развитие получил прауральский аблатив на *-ta* в финском языке [Серебренников 1964: 41]). Поэтому мы далее для краткости будем условно называть данный показатель определенным аблативом, не претендуя, однако, на окончательные выводы о происхождении данного показателя в эрзя-мордовском шокшинском.

Зафиксированы примеры, когда в позиции ПД существительное оформляется показателем определенного элатива (для обоих чисел) при безобъектном спряжении, например:

(82) Ava-m mis'k-s' panar^h-t / panar^h-tn'in'e-st.
 мать-1SG мыть-PRT.3SG рубашка-PL рубашка-PL.DEF-EL

Мама стирала рубашки.

Такие примеры, однако, единичны, поэтому мы не анализируем их в настоящем разделе. По-видимому, данный показатель не грамматикализовался в функции показателя ПД.

Кроме того, имя в позиции ПД может кодироваться определенным номинативом на *-s'*; такие примеры приводятся также для литературного эрзянского М. Н. Коляденковым [1959: 131]. Такого рода примеры маргинальны в нашей выборке, поэтому мы не будем их рассматривать ниже.

Итак, в мордовских языках механизм выбора оформления ПД характеризуется значительным многообразием. Сформулируем правила выбора спряжения глагола при различных типах оформления ПД в шокшинском диалекте эрзя-мордовского языка:

- если ПД оформляется генитивом на *-t/-t'* (определенного склонения), то глагол может выступать в безобъектном спряжении (83), однако чаще всего — в субъектно-объектном спряжении (84а);

(83) Mon jomaft-y-n' sond'e kiniška-tn'in'e.
 я терять-PRT-1SG тот.GEN.3SG книга-PL.DEF.GEN

Я потерял его книги.

(84) а. Brat-s mor-y-ze mory-t'.
 брат-DEF.NOM петь-PRT-3SG.O.3SG.S песня-DEF.GEN

Брат спел песню.

- если ПД не оформляется, то глагол выступает в форме безобъектного спряжения:

- б. Brat-s   mora-s'   more.
 брат-DEF.NOM   петь-PRТ.3SG   песня
- в. * Brat-s   mor-y-ze   more
 брат-DEF.NOM   петь-PRТ-3SG.O.3SG.S   песня
- Брат спел песню.*

• если ПД оформляется определенным аблативом, то глагол выступает в форме безобъектного спряжения:

- (85) T'et'a-m   ojs'e   aj-t'i-e   mašina-t'e-nde.
 отец-1SG   всегда   IPF-делать-PRS.3SG   машина-DEF-ABL
Отец все время чинит свою машину.

Данные правила приведены в таблице 3.

Таблица 3. Выбор спряжения глагола в зависимости от падежа ПД

Оформление ПД	Тип спряжения
генитив определенного склонения	субъектно-объектное / безобъектное спряжение
ПД не оформляется	безобъектное спряжение
определенный аблатив	безобъектное спряжение

Заметим, что генитив в позиции ПД допускается только определенного склонения на *-t'/t*; генитив основного (неопределенного) склонения на *-n'* в данной позиции невозможен¹². Что касается неоформленного ПД, можно было бы предложить две теоретические трактовки данной формы: как особой немаркированной формы имени или же как номинатива основного склонения (который имеет нулевое выражение). Не вдаваясь в данный вопрос, заметим, что номинатив определенного склонения на *-s'* в позиции ПД невозможен; соответственно, такое решение требовало бы постулирования различных правил для разных склонений.

Таким образом, описание выбора оформления ПД предполагает выделение четырех стратегий кодирования ПД: 1) генитив определенного склонения и субъектно-объектное спряжение, 2) генитив определенного склонения и безобъектное спряжение, 3) отсутствие оформления и безобъектное спряжение и 4) определенный аблатив и безобъектное спряжение. Вторая стратегия — генитив определенного склонения и безобъектное спряжение — встречается намного реже, чем остальные три, для кодирования строго одного типа коммуникативного членения высказывания, см. подробнее п. 3.2.5, поэтому далее мы в основном будем говорить о трех стратегиях кодирования ПД.

Следует особо оговорить распределение показателя генитива и множественного числа в эрзя-мордовском. Показатель множественного числа основного склонения *-t, -t'* омонимичен показателю генитива единственного числа определенного склонения. Приведем фрагмент парадигмы обоих склонений для номинатива и генитива обоих чисел:

¹² За исключением ПД в номинализации, см. раздел 1.9 настоящего издания.

Таблица 4. Парадигма номинатива и генитива основного и определенного склонения

Падеж	Основное склонение		Определенное склонение	
	единственное число	множественное число	единственное число	множественное число
Номинатив	∅	-t, -t'	-s, -s'	-(t)n'e, -ne
Генитив	-n'		-t, -t'	-(t)n'in', -nyn'

Как видно из таблицы 4, формы единственного и множественного числа генитива основного склонения совпадают. Согласно [ГМЯ], единственное и множественное число в основном склонении противопоставляются только в номинативе. Соответственно, учитывая возможность дифференцированного маркирования ПД, не всегда легко установить, о каком падеже идет речь, если в примере содержится показатель *-t/t'* на имени, имеющем множественного референта. Например, ср. (86) и (87).

- (86) Son is't'ama at pukšk-e, a i valdyjam
 он такой не вырасти- PRS.3SG а и молочный.суп
 aj-pid'-e, i pr'aka-t aj-pan'-e.
 IPF-варить-PRS.3SG и пирог-PL IPF-печь-PRS.3SG
Она такая маленькая, а уже сама и суп варит, и пироги печет.

- (87) Ej^hkakš-ne večk-sy-z' lambamu-tn'in'.
 ребенок-PL.DEF любить-PRS-3.O.3PL.S сладость-PL.DEF.GEN
Дети любят сладости.

В (86) показатель *-t-* в *pr'aka-t* 'пирог' можно проинтерпретировать как показатель множественного числа основного склонения или же как показатель единственного числа генитива определенного склонения. Лишь используя контекст — немаркированное имя в сочетании «варит суп» — можно предположить, что, по-видимому, *-t-* здесь является показателем множественного числа, а не генитива. На это также косвенно указывает форма безобъектного спряжения глагола (однако, как указывалось выше, безобъектное спряжение возможно и при генитиве). Опираясь на сведения о контексте и типе спряжения, можно утверждать, что в шокшинском во всех подобных случаях *-t-* обозначает именно число, а не генитив. Мы делаем такой вывод на основании того факта, что распределение *-t-* и *-(t)n'in'/-nyn'* (87) при ПД с множественным референтом подчиняется тем же правилам, что и распределение немаркированной формы и генитива на *-t/ t'* при ПД с единичным референтом.

Отметим, что генитив основного склонения в шокшинском не используется для оформления существительных в позиции прямого дополнения. Данный показатель, однако, оформляет прямые дополнения, выраженные различными классами местоимений, ср., например, (88), и ПД в номинализации, а также ПД при отглагольных именах (см. раздел I.9).

3.2.2. Одушевленность

Данный фактор оказывается релевантным только для местоимений. Местоимения *ki* 'кто' и *takki* 'кто-нибудь' требуют оформления генитивом

основного склонения, в отличие от местоимения *mez'* 'что' и *mez'jak* 'что-нибудь':

(88) **Ki-n'** / ***ki** ton kardas-ne ni-i-t'?
кто-GEN кто ты двор-TEMP видеть-PRT-2SG
Кого ты во дворе видел?

(89) **Mez'e** / ***mez'-t'** ton ram-i-t'?
что что.то-DEF.GEN ты покупать-PRT-2SG
Что ты купила?

(90) Mon **tak-ki-n'** / ***tak-ki** / ***tak-ki-t'** n'i-i-n' kardas-ne.
я INDEF-кто-GEN INDEF-кто INDEF-кто-DEF.GEN видеть-PRT-1SG двор-TEMP
Я кого-то видел во дворе.

(91) Kand **mez'e-jak** / ***mez'-t'** / ***mez'e** mastur-t nard-n'i-ms.
нести что-ADD что-DEF.GEN что пол-DEF.GEN вытереть-DISTR-INF
Принеси что-нибудь пол вытереть.

Запрет на оформление генитивом местоимения *mez'* 'что', однако, не настолько строгий, т.к. нами зафиксированы также примеры с формой определенного генитива *mez'-t'* в позиции ПД.

Заметим, что при местоимениях *kin'* 'кто' и *tak-kin'* 'какой' в генитиве выбирается безобъектное спряжение. Это один из немногих случаев, когда появляется стратегия кодирования ПД 'генитив + безобъектное спряжение' (о других контекстах см. п. 3.2.5).

3.2.3. Аспектуальные характеристики ситуации и квантификация ПД¹³

Одним из наиболее важных факторов, определяющих выбор оформления ПД в прибалтийско-финских языках, является аспектуальная характеристика глагола [Тамм 2004; Kiparsky 2001]. В работах по мордовским языкам принято говорить о виде глагола или о квантификации ПД. Ср. о квантификации ПД [Цыганкин 1977: 58]: немаркированное имя обозначает «прямой объект, полностью не охваченный действием переходного глагола»; «оформление ПД генитивом возможно при полном охвате ПД действием»; о виде глагола [ГМЯ: 107]: «существительное в именительном падеже основного склонения может выступать в качестве прямого дополнения... при условии, что управляющий им глагол... выражает, как правило, неопредельное действие»; [Бубрих 1953: 89—90]: «для употребления форм объектного спряжения... нужно, чтобы объект действия мыслился как определенный...» и «чтобы действие мыслилось как законченное», [Феоктистов 1966: 186]: «объектное спряжение употребляется, если... действие мыслился как законченное» и «прямое дополнение при глаголе является определенным или мыслился как определенное»; см. тж. [Якубинская-Лемберг 1962: 78; Цыпкайкина 2007: 64—66].

В свете работ в области аспектуальной композиции, например [Krifka 1989б], интересно рассмотреть, как взаимодействует квантификация ПД и аспектуальная характеристика ситуации в языке, с дифференцированным кодированием ПД, где исследователи связывают выбор оформления с обоими

¹³ В настоящем разделе использованы материалы М. М. Брыкиной, М. Н. Усачёвой (Строевой) и Е. С. Антонова.

указанными факторами. Как будет показано ниже, в отличие от прибалтийско-финских языков и литературных мордовских, в шокшинском диалекте квантификация ПД не является релевантным фактором для выбора кодирования. Что касается аспектуальной характеристики ситуации, данный фактор является не основным, а второстепенным. Сформулируем правила влияния аспектуальной характеристики ПД на его кодирование.

В эрзя-мордовском есть целый ряд морфологических показателей и категорий, кодирующих видовые противопоставления, как-то: аспектуальные суффиксы, глагольная имперфективирующая проклитика *aj-*, противопоставление субъектно-объектного и безобъектного спряжения, выбор показателя ПД.

Довольно часто действует следующая закономерность: если действие является завершенным, ПД кодируется генитивом и субъектно-объектным спряжением, ср. (92)—(93); если действие является незавершенным (или хабитуальным), ПД не оформляется, ср.:

(92) а. Brat mor-e častuška.
 брат петь-PRS.3SG частушка
Брат поет / будет петь частушку.

б. Brat mora-sa-za častuška-t'.
 брат петь-PRS-3SG.O.3SG.S частушка-DEF.GEN
Брат допоеет частушку до конца.

(93) а. Son t'i-i-s' ban'a.
 тот делать-PRT-3SG баня
Он строил баню (и не достроил).

б. Son t'i-i-ze ban'e-t'.
 тот делать-PRT-3SG.O.3SG.S баня-DEF.GEN
Он построил баню (целиком).

В имперфективном (94) и хабитуальном (95) употреблении возможно как немаркированное имя с безобъектным спряжением, так и показатели определенного аблатива *-tende / -t'ende* (в единственном числе) / *-(t'n'i)n'ende* (во множественном числе), например:

(94) Mon a-jar^hc-an t'et'i umar^h-t'e-nde.
 я IPF-есть-PRS.1SG этот яблоко-DEF-ABL
Я ем яблоко.

(95) Pet'e-s' ojs'e sus'eda-n' umar^h-n'e-nde aj-sal-e.
 Петя-DEF.NOM всегда сосед-GEN яблоко-PL.DEF-ABL IPF-красть-PRS.3SG
Петя все время крадет яблоки соседа.

Можно было бы ожидать, что данный показатель используется для маркирования незавершенности инкрементальной ситуации. Заметим, однако, что он возможен как для кумулятивных (81), так и для квантованных объектов:

(96) Katka-s' kutn'-e čijer^h-t'e-nde / čijer^h.
 кот-DEF.NOM хватать-PRS.3SG мышь-DEF-ABL мышь
Кошка ловит мышь [Строева 2006: 151].

Допустимость такого рода примеров говорит о том, что употребление определенного аблатива не связано с такими характеристиками имени в позиции ПД, как кумулятивность / квантованность объекта, а также с инкрементальностью ситуации. Как показано в работе [Строева 2006], данный показатель характеризуется именно аспектуальным значением. Такие факторы, как время, наклонение, наличие / отсутствие отрицания, также не влияют на возможность его употребления для кодирования ПД (см. [Там же]).

По аналогии с аблативом в литературном эрзя-мордовском, можно было бы ожидать, что основная функция обсуждаемого показателя — обозначение партитивного объекта. Действительно, были зафиксированы примеры, где он возникает в контексте частичности ПД, ср.:

(97) Ava-m pot'a-v-s' pel' vedbar' lovcu-t'e-nde.
 мать-1SG доить-VAL-PRT.3SG половина ведро молоко-DEF-ABL
Мать надоила полведра молока.

Однако большая часть имеющихся у нас примеров такого рода не переведены с русского стимула, а сконструированы искусственно и лишь разрешены носителем. Согласно нашим данным, все стратегии кодирования ПД возможны при различного типа модификаторах, связанных с квантификацией, т. е. таких как «много», «немного», «несколько», «целый», количественные ИГ, числительные и т. п.

По-видимому, партитивная функция определенного аблатива (наличие такой функции предполагается в работах по литературным мордовским языкам, см. [Якубинская-Лемберг 1962: 78]; в этой функции также может употребляться немаркированное имя в литературном эрзя-мордовском [Цыганкин 1977: 54]), утратилась в шокшинском диалекте, уступая место имперфективному значению. При переводе русского стимула носители предлагают в партитивных контекстах немаркированное имя, ср.:

(98) Son val-s ved' vedbar'-ste.
 он лить-PRT.3SG вода ведро-EL
Он отлил из ведра воды.

(99) Son val-y-ze ved'-t' vedbar'-ste.
 он лить-PRT-3SG.O.3SG.S вода-DEF.GEN ведро-EL
Он вылил воду из ведра.

Итак, немаркированное имя и показатели определенного аблатива *-tende / -t'ende / -t'n'in'ende* конкурируют в имперфективном и хабитуальном контекстах. В таком случае данные варианты оформления довольно часто находятся в отношении свободного варьирования. Однако существуют контексты, где немаркированное имя не допускается — это контекст темы высказывания, а также контекст определенного ПД (см. далее пп. 3.2.4 и 3.2.5). В таких случаях в имперфективном (или хабитуальном) контексте выбираются показатели определенного аблатива:

(100) Mon' t'et'a-m lamu ij^h-t' tonaf-s' Ivan Petrovič-te-nde.
 я.GEN.1SG отец-1SG много год-PL учить-PRT.3SG Иван Петрович-DEF-ABL
Мой отец много лет учил Ивана Петровича.

В (100) ИГ *Ivan Petrovičtende* является определенной; в данном предложении употребление немаркированного имени невозможно. Поэтому выбирается

определенный аблатив для выражения имперфективного значения. Однако довольно часто в таких случаях, т. е. в случае конкуренции аспектуальных и дискурсивных факторов, допускается употребление как генитива с субъектно-объектным спряжением, так и определенного аблатива. То есть, в первом случае, дискурсивные факторы оказываются более релевантными для говорящего, чем аспектуальные характеристики, во втором случае — наоборот.

- (101) — Mez'e is'ak ton t'endyr-i-t' t'ii-ms? —
 что вчера ты успевать-PRT-3SG делать-INF
 Мон panar ist-y-n'.
 я рубашка шить-PRT-1SG
 — Ты что вчера успела сделать? — Я рубашку сшила.

В (101) неопределенное ПД появляется в перфективном контексте и не оформляется генитивом. В (102) ПД, наоборот, определенное, и носитель выбирается генитивное оформление, несмотря на имперфективный контекст:

- (102) Ava-s' aj-pota-sa-za ej^hkakš-t.
 женщина-DEF.NOM IPF-сосать-PRS-3.SG.O.3SG.S ребенок-DEF.GEN
 Женщина кормит ребенка (сейчас).

Итак, аспектуальные характеристики влияют на кодирование ПД следующим образом: в перфективных контекстах выбирается генитив с субъектно-объектным спряжением, в имперфективных контекстах для ПД в теме выбирается определенный аблатив, для ПД в реме возможен определенный аблатив или немаркированное имя с безобъектным спряжением.

Другим аргументом в пользу такой интерпретации является отсутствие строгих грамматических запретов на распределение генитива/немаркированного имени и типа спряжения при наличии на глаголе имперфективной проклитики *aj*-:

- (103) а. Vas'e-s' s'im-i-ze ved'-t'.
 Вася-DEF.NOM пить-PRT-3SG.O.3SG.S вода-DEF.GEN
 Вася выпил воду.
 б. Vas'e-s' aj-s'im-i-ze ved'-t'.
 Вася-DEF.NOM IPF-пить-PRT-3SG.O.3SG.S вода-DEF.GEN
 Вася пил воду.

В (103а,б) глагол выступает в форме субъектно-объектного спряжения вне зависимости от наличия/отсутствия проклитики *aj*. Интересно, что это возможно как при кумулятивных, так и при квантованных объектах (103в,г), ср.:

- в. Vas'e-s' s'im-i-ze čaj kruška-t'.
 Вася-DEF.NOM пить-PRT-3SG.O.3SG.S чай кружка-DEF.GEN
 Вася выпил кружку чая.
 г. Vas'e-s' aj-s'im-i-ze čaj kruška-t'.
 Вася-DEF.NOM IPF-пить-PRT-3SG.O.3SG.S чай кружка-DEF.GEN
 Вася пил кружку чая.

Нами не зафиксировано ни одного жесткого грамматического запрета на выбор генитива или немаркированного имени при различных видовых

показателях и обстоятельствах¹⁴. Сформулированные в данном пункте правила не являются обязательными и могут игнорироваться под воздействием таких факторов, как референциальный статус и коммуникативное членение предложения. Важно, что обратное неверное: запреты, накладываемые референциальным статусом (например, запрет на немаркированное имя в теме или запрет на генитив на неопределенном ПД) являются строгими, см. п. 3.2.4. По-видимому, следует признать, что аспектуальная характеристика ситуации — менее важный фактор в эрзя-мордовском шокшинском, чем референциальный статус и коммуникативное членение высказывания (в отличие от прибалтийско-финских языков). Аспектуальные значения определяют выбор кодирования в том случае, если говорящему важно выделить именно аспектуальные характеристики ситуации¹⁵. Если этого не происходит, действуют другие факторы. В алгоритме выбора кодирования в схеме 3 данный механизм выбора оформления ПД отражен терминами «имперфективное значение» (включая хабитуальное) vs. «перфективное» vs. «по умолчанию».

3.2.4. Референциальный статус

О важности фактора определенности ПД для выбора кодирования в эрзя-мордовском языке упоминается в работах [Бубрих 1953: 50—52, 89—90; Якубинская-Лемберг 1962; Феоктистов 1966: 186; Серебренников 1967: 29—31; Тихонова 1975; Keresztes 1999: 14] и др.

В эрзя-мордовском языке по стратегии «генитив + субъектно-объектное спряжение» оформляются определенные ИГ (104). Что касается неопределенных и слабо определенных ИГ, такие ПД обычно не оформляются генитивом (105)—(106). Универсальные, экзистенциальные и родовые ИГ допускают генитив с субъектно-объектным спряжением или отсутствие оформления с безобъектным спряжением (107)—(110).

¹⁴ Что касается определенного аблатива, существуют некоторые запреты на возможность данного падежа в позиции ПД. А именно, определенный аблатив никогда не является обязательным, однако запрещается в тех случаях, когда ситуация является перфективной, например:

(i) Vas'e-s'   dač'e-t'   (* dač'a-t'e-nde) strojadn-y-ze   kafta   ij^h-ste.
 Вася-DEF.NOM   дача-DEF.GEN   дача-DEF-ABL   строить-PRT-3SG.O.3SG.S   два   год-EL
Вася построил дачу за два года.

¹⁵ Например, показатели определенного аблатива довольно часто появляются в контексте имперфективирующих наречий, таких как «все время, постоянно» и т. п., а также в контекстах конатива, т. е. отсутствия достижения результата:

(ii) Ovtu-s'   kufcun-e   pajaki-ŋgi-t'e-nde,   a   č'ijer^hi-ŋgi-t'
 медведь-DEF.NOM   слышать-PRS.3SG   колокольчик-DIM-DEF-ABL   а   мышь-DIM-DEF.GEN
 at   kunda-v-e.
 не   ловить-VAL-PRS.3SG
{Мышка взяла колокольчик и бежит по комнате.} Медведь слышит колокольчик, а мышку поймать не может (букв. не поймает).

- определенные ИГ:

(104) Min'ik i-l^h-t' kolmo skal-t, no t'et'e-s'
 мы.GEN.1PL быть-PLPF-3PL три корова-PL но отец-DEF.NOM
 skal-tnyn' mi-i-nde.
 корова-PL.DEF.GEN продать-PRT-3PL.O.3SG.S
У нас было три коровы, но отец коров продал.

- неопределенные ИГ:

(105) Šeče praz'dnik. Ton n'ij-at ul'en't'a-sa lamut loma-t'.
 сегодня праздник ты видеть-PRS.2SG улица-INESS много человек-PL
Сегодня праздник. Ты увидишь на улице много людей.

- слабо определенные ИГ

(106) Is'ak ton aras' i-l'i-t' kudu-sa a Vas'e-s'
 вчера ты нет быть-PLPF-2SG дом-INESS а Вася-DEF.NOM
 vid'i-s' kudu-v styr'.
 приводить-PRT.3SG дом-LAT девушка
Тебя вчера не было, а Вася привел домой девушку.

Универсальные, экзистенциальные и родовые ПД допускают обе стратегии оформления:

- универсальные ИГ:

(107) а. Pet'e-s' l'uboj t'ory-ŋge čav-e.
 Петя-DEF.NOM любой мальчик-DIM бить-PRS.3SG
 б. Pet'es' l'uboj t'ory-ŋgi-t' čaf-sa-za.
 Петя-DEF.NOM любой мальчик-DIM-DEF.GEN бить-PRS-3SG.O3SG.S
Петя любого мальчика побьет.

- родовые ИГ:

(108) Son tonaft-e ej^hkakš-t (ej^hkakš-nyn').
 он учить-PRS.3SG ребенок-PL ребенок-PL.DEF.GEN
Он учит детей.

- экзистенциальные ИГ:

(109) Mird'i-s' veš-n'i-s' kandu-ms kše, a at lovca.
 муж-DEF.NOM обещать-DISTR-PRT.3SG приносить-INF хлеб а не молоко
Муж обещал принести хлеба, а не молока.

(110) Kši-t' kandu-ms veš-n'i-s' mirdi-s', a at t'ora-s'.
 хлеб-DEF.GEN нести-INF обещать-DISTR-PRT.3SG муж-DEF.NOM а не сын-
 DEF.NOM
Хлеба муж обещал принести, а не сын.

При этом выбор стратегии оформления зависит от коммуникативного членения предложения (например, в (109) ПД в реме не маркируется, а в (110) маркируется ПД в теме) или от аспектуальных характеристик, см. пп. 3.2.5 и 3.2.3.

Выше приведены примеры, в которых референциальный статус ПД задается контекстом. При наличии местоимений и других лексических средств, однозначным образом маркирующих референциальный статус ИГ, действуют те же закономерности. В частности, немаркированная форма с безобъектным спряжением не допускается при личных местоимениях, именах собственных, квантификаторе *s'embe* 'все', возвратных местоимениях и существительных, обозначающих уникальные объекты (напр., солнце, луна и под.), в позиции ПД (те же ограничения приводятся в [Molnár 2001: 68—71]):

(111) Mon **ton'-t'** / ***ton** is'ak ez'-t'in' n'i-k'.
 я ты-DEF.GEN ты вчера NEG.PRT-2SG.O.1SG.S видеть-CN
Я тебя вчера не видел.

(112) Min' čeče **man'ii-t'** / ***man'ij** at n'ih-sy-n'ik.
 мы сегодня солнце-DEF.GEN солнце не видеть-PRS-3.O.1PL.S
Сегодня не видно солнца (букв. мы не видим).

Кроме того, немаркированная форма невозможна, если вершина ИГ в позиции ПД модифицируется генитивом посессора (15аб), указательным местоимением (113), универсальным квантификатором (114) или сочетанием со значением превосходной степени (115).

(113) Mon ez'-e tonaft-n'i-k t'et' mory-t' / ***more**.
 я NEG-PRT.3SG.O.1SG.S учить-DISTR-CN этот песня-DEF.GEN песня
Я не выучил эту песню.

(114) Ava-m s'embe **ej^hkakš-nyn'** / ***ej^hkakš-t** and-y-nde.
 мать-1SG все ребенок-PL.DEF.GEN ребенок-PL кормить-PRT-3PL.O.3SG.S
Мама всех детей накормила.

(115) Mon čav-e samuj zdorov **t'ory-ŋgi-t'** /
 я бить-PRT.3SG.O.1SG.S самый сильный мальчик-DIM-DEF.GEN
 ***t'ory-ŋge** klas-te-nde.
 мальчик-DIM класс-DEF-ABL
Я побил самого сильного мальчика в классе.

Имена с рестриктивными определениями, создающими контекст определенности, также требуют оформления по стратегии определенных имен, ср. (116) и (117). В (116) определение нерестриктивное, и имя не оформляется генитивом. Напротив, в (117) прилагательное *ašu-t'* 'белый' имеет рестриктивную функцию, т. к. однозначным образом задает выбор из двух объектов. Соответственно, необходим показатель генитива и субъектно-объектное спряжение.

(116) Son rama-s' piz'e **tetratka-t**.
 он покупать-PRT.3SG зеленый тетрадь-PL
Он купил зеленые тетрадки.

- (117) To saj-e kafta bato-t – ašu-t' / *aša
там лежать-PRS.3SG два батон-PL белый-DEF.GEN белый
pečk-s'-ik narmu-tn'i-n'e, son uš kumšta-s'.
резать-ITER-IMP.3SG.O.2SG.S птица-PL.DEF-DAT он уже плесневеть-PRT.3SG
Там лежат два батона — белый порежь птицам, он уже заплесневел.

Все перечисленные типы вершин ИГ и модификаторов однозначным образом задают определенность ИГ, и требуют того же типа оформления, что и имена, определенные в силу контекста.

Колебания по носителям наблюдаются относительно указательных местоимений, имен собственных, модификаторов, выраженных притяжательными местоимениями и именами, которые модифицируются неопределенным местоимением. В первых трех случаях ожидался бы генитив, в последнем — отсутствие генитива. Однако некоторые носители довольно маргинально разрешают отсутствие оформления при именах собственных, указательных местоимениях и именах с притяжательным местоимением и, наоборот, генитив на именах с неопределенным местоимением.

Заметим, что в эрзя-мордовском шокшинском определенность понимается так же, как и в марийском: не как единичность ИГ, а как ее известность. В контекстах, где делается выбор из множества известных слушающему объектов, необходим генитив, несмотря на невыполнение условия единичности:

- (118) Vej^hki-n' maks-y-ze sus'eda-t'e, a omot'i-n'
один-GEN давать-PRS-3SG.O.3SG.S сосед-DAT а другой-GEN
min' sev-i-n'ik'. (*vej^hke / *omot')
мы есть-PRT-3.O.1PL.S один другой
{Мама испекла два пирога.} Один отдала соседке, а другой мы съели.

Т. е. в (118) неопределенный элемент определенно-референтного множества 'два пирога' получает маркирование падежным показателем так же, как и определенно референтная ИГ в позиции ПД.

3.2.5. Коммуникативное членение предложения

Фактор коммуникативного членения предложения определяет выбор стратегии оформления нереферентных ИГ, т. е. универсальных, родовых и экзистенциальных. Нереферентные ИГ, как было показано в пункте 3.2.4, в позиции ПД допускают различные стратегии оформления (о случаях, когда возможен генитив в сочетании с субъектно-объектным спряжением см. комментарии к (125)—(126)). Например:

- (119) Griba-tn'in' min' kočš'i-sy-n'ik vasula vir^h-ste, a
гриб-PL.GEN.DF мы собирать-PRS-3.O.1PL.S далекий лес-EL а
istyj^h-n'in' mel'ga jaka-tama per'el'eska-v
земляника-PL.DEF вслед ходить-PRS.1PL перелесок-LAT
vel'e-t' vaks-ne.
село-DEF.GEN около-INESS

Грибы мы [обычно] собираем в дальней роще, а за земляникой ходим в рощицу прямо у деревни.

В (119) нереферентная ИГ *griba-tn'in* 'грибы' находится в теме и кодируется генитивом и субъектно-объектным спряжением. ПД в реме чаще всего не оформляются и требуют безобъектного спряжения:

- (120) *Mez' son t'i-n'-e? Son vrač. Son leč-e ej^hkakš-t.*
 что тот делать-DISTR-PRS.3SG он врач он лечить-PRS.3SG ребенок-PL
Чем он занимается? Он врач. Он лечит детей.

Ср. примеры с единственным числом ПД:

- (121) *Mon mašt-an pin'a-da uštu-ma i skal pot'aftu-ma.*
 я уметь-PRS.1SG печь-ABL топить-NZR и корова доить-NZR
Я умею топить печь и доить корову.
- (122) *Kši-t' t'in' lavka-sta ram-s'i-sy-nk? — Mon'*
 хлеб-DEF.GEN вы магазин-EL покупать-ITER-PRS-3.O.1PL.S я.GEN
ava-m son-s' kši-t' pat'-sa-za.
 мать-1SG он-INTF хлеб-DEF.GEN печь-PRS-3SG.O.3SG.S
Хлеб вы в магазине покупаете? — Моя мать САМА хлеб печет.

Определенные ПД обычно оформляются генитивом с субъектно-объектным спряжением независимо от их коммуникативного статуса, т. е. как в теме, так и в реме. См., например, (123), где определенное ПД выступает в фокусе контраста:

- (123) *Mon klub-ste n'ij-e at načal'n'ik-t', a direktor-t.*
 я клуб-EL видеть-PRT.3SG.O/1SG.S не начальник-DEF.GEN а директор-DEF.GEN
Я встретил не начальника, а директора.

Однако существуют редкие примеры, где определенные ИГ в реме не оформляются генитивом, глагол выступает в форме безобъектного спряжения (124). То есть, в таких случаях фактор коммуникативного членения «перетягивает» фактор референциального статуса.

- (124) *Mon jar^hc-y-n' at sup, a modamar^h-t'.*
 я есть-PRT-1SG не суп а картошка-PL
{На столе обед: суп, картошка и др.} Я ела не суп, а картошку.

Такие примеры зафиксированы в контексте фокуса контраста. Заметим, что (124) имеет имперфективную интерпретацию, что также могло повлиять на выбор немаркированной формы. По-видимому, это самый сильный контекст на немаркированное имя в ПД (ср. аналогичные выводы для печорского диалекта коми-зырянского).

Следует особо оговорить употребление стратегии «генитив + безобъектное спряжение». Данная стратегия оформления употребляется в эрзя-мордовском довольно редко, лишь в очень узком типе контекстов. Речь идет о подмножестве контекстов, где согласно факторам, обсуждавшимся выше (определенность ПД и принадлежность теме), ожидался бы генитив с субъектно-объектным спряжением. Приведем примеры.

(125) — Mez'e ton t'i-i-t' kal^h-tnyn' mar^hta?
 что ты делать-PRT-2SG рыба-PL.DEF вместе

— Kal^h-tnyn' mon r'est-y-n'.
 рыба-PL.DEF.GEN я жарить-PRT-1SG

— Ты что сделала с моей рыбой? Рыбу я пожарила.

(126) — Ton sal^h-tnyn' sus'eda-t'e-iste saz'-i-t'?
 ты соль-PL.DEF.GEN сосед-DEF-EL братъ-PRT-2SG

— At, mon sal^h-tnyn' mon's' ram-i-n'.
 нет я соль-PL.DEF.GEN я.EMPH покупать-PRT-1SG

— Ты соль у соседки взял? — Нет, я соль купил.

Такие примеры возникают в тех случаях, когда ПД находится в теме, а глагол сам по себе составляет рему (узкий фокус в терминах [Lambrecht 1994]). Например, в (125) и (126) ИГ в позиции ПД — *kal^h-tnyn'* 'рыба' и *sal^h-tnyn'* 'соль' соответственно — является определенной (референт ИГ актуализован в предшествующем контексте); ПД является топиком в (125) и принадлежит теме в (126). Согласно правилам, сформулированным в данном и предыдущем пунктах, такой участник оформляется генитивом. Глагол при этом принадлежит реме. ПД и глагол оказываются разнесенными по разным коммуникативным компонентам. Такая коммуникативная организация высказывания является не самым частотным типом; представляет интерес тот факт, что в эрзя-мордовском шокшинском она получает особую стратегию оформления.

Интересно, что в данной стратегии оказываются противопоставлены спряжение глагола и оформление ПД: генитив, который обычно сопровождается субъектно-объектным спряжением, здесь допускает безобъектное спряжение. Повидимому, можно предположить, что такое рассогласование в данных категориях непосредственным образом кодирует рассогласование в коммуникативных статусах глагола и ПД. Отметим, однако, что при таком типе коммуникативного членения данная стратегия не является обязательной. Зафиксированы примеры, где в аналогичных предложениях тем не менее используется стратегия «генитив + субъектно-объектное спряжение». Стратегия с безобъектным спряжением, согласно нашим наблюдениям, используется в тех случаях, когда говорящий хочет особым образом выделить глагол, т. е. в случае эмфазы. В частности, такая стратегия предпочтительна, если глагол находится не просто в фокусе, а в фокусе контраста:

(127) Son plat'a-n'in' at ram-s'-e, a ist-e son-s'.
 этот платье-PL.DEF не покупать-ITER-PRS.3SG а шить-PRS.3SG он-INTF

Она платье не покупает, а сама шьет.

Отдельный случай употребления данной стратегии — конструкции с вопросительным местоимением:

(128) Kam kšy-t' lavka-v usk-s't', aša ili ravža?
 какой хлеб-DEF.GEN магазин-LAT привозить-PRT.3PL белый или черный

Какой хлеб в магазин привезли — белый или черный?

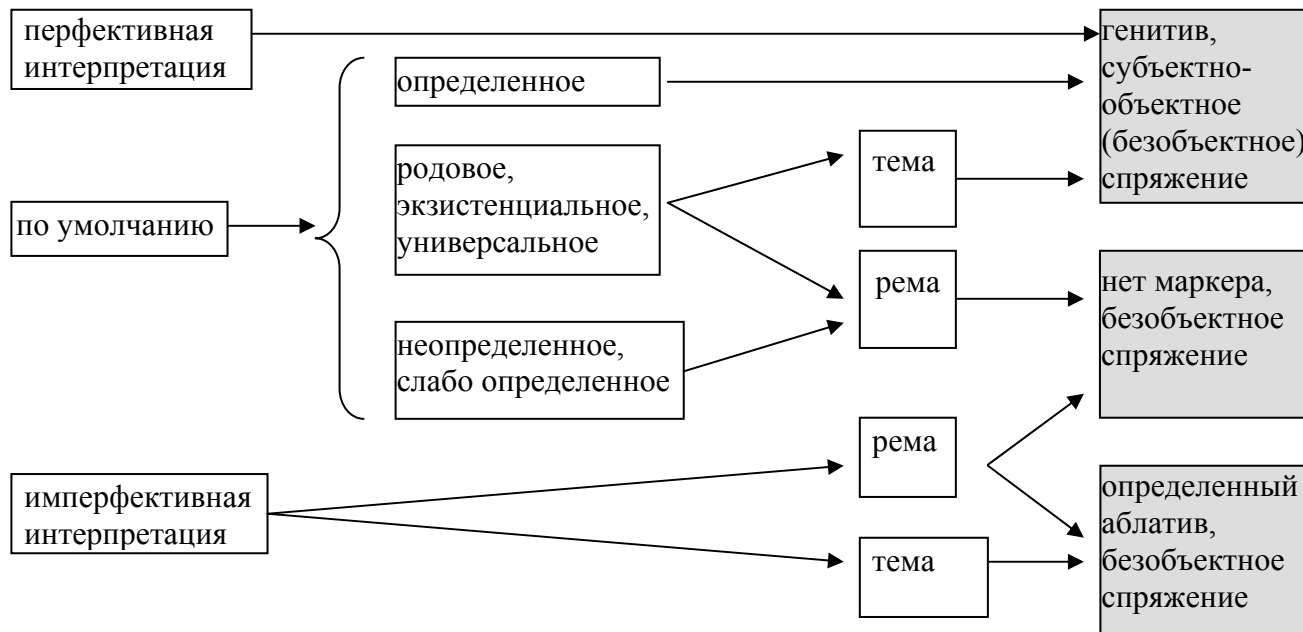
3.2.6. Обобщение

Итак, выбор оформления ПД в шокшинском диалекте эрзя-мордовского языка зависит от следующих факторов:

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС > КОММУНИКАТИВНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ > АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СИТУАЦИИ

Можно сформулировать правило взаимодействия факторов в виде следующего алгоритма:

Схема 3. Выбор оформления ПД в шокшинском диалекте эрзя-мордовского языка

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что система выбора кодирования ПД в шокшинском диалекте в значительной мере ориентирована на отражение референциального статуса. Определенные ИГ чаще всего кодируются генитивом и субъектно-объектным спряжением, неопределенные ИГ — немаркированным именем и безобъектным спряжением. Нереперентные ИГ получают оформление в зависимости от коммуникативного членения высказывания: в составе темы предпочтителен генитив и субъектно-объектное спряжение, в составе ремы — немаркированная форма / определенный аблатив вместе с безобъектным спряжением. Стратегия «генитив и безобъектное спряжение» может быть выбрана факультативно, если ПД принадлежит теме, а глагол — реме.

На выбор оформления также могут оказывать влияние аспектуальные характеристики ситуации, однако данный фактор не налагает жестких грамматических запретов. Релевантность данного фактора зависит от намерения говорящего подчеркнуть видовые характеристики ситуации как перфективной или имперфективной/хабитуальной. В первом случае выбирается субъектно-объектное спряжение и генитив, во втором случае — безобъектное спряжение и немаркированное имя либо определенный аблатив. Определенный аблатив предпочтителен, если ПД в имперфективной ситуации принадлежит теме высказывания.

3.3. Коми-зырянский язык (печорский диалект)

3.3.1. Показатели прямого дополнения и посессивные показатели

В коми-зырянском и удмуртском языках ПД может маркироваться тремя способами, кумулятивным показателем притяжательности и аккузатива (далее: посессивный аккузатив), собственно показателем аккузатива или выступать в немаркированной форме:

- (129) Vat'-ə kuj-ə č'eri.
отец-1SG ловить-PRS.3 рыба
Отец ловит рыбу.
- (130) Sij-ə viž'-ə č'el'ad'-əs.
она-NA стеречь-PRS.3 дети-ACC
Она нянчит детей.
- (131) Zer-ys kətəd-i-s turun-sə.
дождь-3 намочить-PRT-3 сено-ACC.3
Дождь намочил сено.

В коми-зырянском посессивный аккузатив имеет форму *-sə*, собственно показатель аккузатива — форму *-əs*. Приведем для сравнения парадигму кумулятивных показателей посессивности и аккузатива:

Таблица 5. Посессивные показатели печорского диалекта коми-зырянского языка

Лицо	ИГ — не подлежащее и не ПД	ИГ в подлежащей позиции	ИГ в позиции ПД
1 лицо (маркер и глосса)	-(y)m 1	-əj 1SG	-əs ACC.1
2 лицо (маркер и глосса)	-(y)d 2		-tə ACC.2
3 лицо (маркер и глосса)	-(y)s 3		-sə ACC.3

Заметим, что в плане выражения посессивности ПД располагает собственным набором показателей, в отличие от других падежей (из других синтаксических позиций, собственный показатель посессивности имеется только у подлежащего, и только в 1-ом лице единственного числа). В результате, ПД получает несколько возможных средств выражения: посессивный аккузатив трех лиц, собственно аккузатив и отсутствие маркирования.

Как отмечалось рядом исследователей, показатели посессивности в финно-угорских и, в частности, в пермских языках могут маркировать не посессивность, а определенность ИГ (см. [Бубрих 1949: 53—56; Лыткин, Тимушев 1961: 858; Прокушева 1984 относительно коми-зырянского языка]), например:

- (132) Voš't n'an'-sə!
брать хлеб-ACC.3
Возьми этот кусок хлеба!

В высказывании (132), порожденным носителем спонтанно, посессивный показатель 3-его лица единственного числа *-sə* имеет дейктическую функцию: говорящий указывает на тарелку с хлебом (высказывание было порождено носителем спонтанно, не в ситуации опроса). В данном случае посессивное

прочтение — ‘его кусок хлеба’ — исключено. В другом контексте данный показатель может маркировать принадлежность 3-му лицу, ср.:

- (133) Pet'a rad'ejt-ə č'oj-sə.
Петя любить-PRS.3 сестра-ACC.3
Петя любит сестру (букв. его сестру).

Такое посессивное употребление не всегда легко отграничить от «непосессивного», например, в (133) возможна и первая, и вторая трактовка. Аналогичная проблема разграничения двух функций посессивного аккузативного показателя имеет место в бесермянском (см. п. 3.4). Конкретно в коми-зырянском языке ситуация осложняется тем, что собственно показатель аккузатива -əs (не посессивный) омонимичен показателю посессива 1-го лица единственного числа, ср.:

- (134) Sij-a vij-i-s mort-əs.
тот-NOM убивать-PRT-3 человек-ACC
Он убил человека.

- (135) Bat' vošt'i-s č'er-sə / č'er-əs.
отец терять-PRT-3 топор-ACC.3 топор-ACC.1
Отец потерял свой топор / мой топор.

Соответственно, в зависимости от контекста показатель -əs может интерпретироваться как аккузатив или посессивный аккузатив 1-го лица, а ПД — как принадлежащее говорящему или нет.

По нашим данным, в печорском диалекте коми-зырянского выражение посессивности в ПД¹⁶ обязательно во всех случаях, когда усматривается связь типа «обладатель-обладаемое». В отличие от русского языка, где притяжательное местоимения довольно часто можно или даже требуется опустить (например, *Он взял чашку левой рукой*, ср. **Он взял чашку его/своей левой рукой*), в печорском диалекте наличие посессивного показателя практически обязательно на ИГ, обозначающих родственные и социальные отношения, части тела, одежду, а также скот. В ряде случаев (лексемы *руж* «лодка», *kerka* «дом»; инструменты *č'er* «топор» и др.) может наблюдаться варьирование между носителями языка.

В данной работе мы ограничим круг внимания примерами, где показатель -sə не выражает посессивности; те случаи, когда возможно посессивное прочтение маркера ПД, мы будем оговаривать особо.

Далее, посессивный аккузатив 2-го лица -tə в коми-зырянском также может иметь не посессивную функцию. Как показано в [Прокушева 1984], данный показатель может использоваться, как эмфатическая дискурсивная частица (исследователи довольно часто связывают этот сдвиг значения с влиянием русского языка, усматривая аналогию с русской частицей -то), ср. (136) и (137):

- (136) Me tašt'i-tə žugəd-i.
я тарелка-ACC.2 разбивать-PRT
Я разбила твою тарелку.

¹⁶ Для других членов предложения это не обязательно, см. I.5 «Морфосинтаксис именного комплекса в финно-пермских языках: анализ в рамках гипотезы минимализма».

(137) Te n'an'-tə n'əb-i-n? – E-g.

ты хлеб-PTCL покупать-PRT-2 NEG.PRT-1

{ЛК: Говорящий и слушающий ходили в магазин, купили много продуктов, вдруг говорящему приходит в голову мысль:} — А ты хлеб-то купила? — Нет.

В (136) показатель *-tə* употреблен в посессивном значении ('твоя тарелка'), в то время как в (137) посессивное отношение между ПД и субъектом отсутствует. Как и в литературном коми-зырянском, данный показатель употребляется в контекстах, характерных для дискурсивной частицы *-to* в русском.

В обоих случаях показатель *-tə* не является собственно показателем ПД, поэтому мы не рассматриваем его в настоящем разделе.

В результате, мы анализируем три варианта оформления ПД в печорском диалекте: посессивный аккузатив на *-sə*, собственно аккузатив на *-əs* и отсутствие маркирования.

3.3.2. Одушевленность

Исследователи коми-зырянского языка приводят два основных параметра для объяснения выбора оформления ПД: в статье [Прокушева 1984] обсуждается фактор определенности, конкретности и единичности именной группы (см. об этом п. 3.3.4), в работах [Бубрих 1949] и [Федюнева 1998] — одушевленность. Согласно нашим данным из печорского диалекта коми-зырянского языка, в данном идиоме фактор одушевленности является наиболее значимым. Этот фактор обуславливает жесткий запрет на немаркированную ИГ для одушевленного референта (138). Если ПД обозначает неодушевленный объект, оно не может быть оформлено аккузативом: возможен только посессивный аккузатив (139) или отсутствие маркирования (129). Если при неодушевленном ПД появляется показатель *-əs*, он однозначно интерпретируется носителями, как показатель посессивности 1-го лица, ср. (139)

(138) Me až'ž'-yvl-i yvla vyl-yš' nyvka-əs / nyvka-sə / *nyvka.

я видеть-ITER-PRT улица верх-EL девушка-ACC девушка-ACC.3 девушка

Я видел на улице какую-то девушку / ту девушку.

(139) Kiš't təryt-ja jəl-sə / jəl-əs.

выливать вчера-ATTR молоко-ACC.3 молоко-ACC.1

Вылей вчерашнее молоко / мое вчерашнее молоко.

Подмножество одушевленных объектов, обозначающее некрупных животных и насекомых в этом отношении ведут себя, как неодушевленные, т. е. могут выступать в немаркированной форме либо в форме посессивного аккузатива. Аналогичным образом кодируются существительные *kaga* 'ребенок, малыш'¹⁷ (в отличие от *č'el'ad'* 'дети'), *č'eri* 'рыба' (названия рыб не проверялись). Существительное *lebač'* 'птица' и названия птиц ведут себя, как одушевленные.

Ограничения на оформление ПД в зависимости от одушевленности суммированы в таблице 6.

¹⁷ Заметим, что так же ведет себя существительное со схожей семантикой во многих языках, напр., англ. *baby*, для референции к которому используется местоимение *it*, обозначающее неодушевленные объекты.

Таблица 6. Выбор оформления ПД в зависимости от одушевленности

Одушевленные	Неодушевленные
-sə	-sə
-əs	отсутствие оформления

Таким образом, несмотря на то, что в целом существует три варианта оформления ПД, для каждого имени варианта только два, первый из которых — посессивный аккузатив, второй — отсутствие маркирования или собственно аккузатив. Выбор между посессивным аккузативом и аккузативом для одушевленных и выбор между посессивным аккузативом и нулевым оформлением для неодушевленных зависит от коммуникативного членения высказывания и референциального статуса ИГ. Далее, говоря о выборе оформления, мы будем обсуждать распределение вариантов «немаркированная форма» / «собственно аккузатив» vs. «посессивный аккузатив».

3.3.3. Коммуникативное членение высказывания

Вторым по значимости фактором после одушевленности является коммуникативное членение высказывания. В целом, действует та же тенденция, что и в эрзя-мордовском, т. е. релевантным параметром является принадлежность ПД теме или реме. С некоторым приближением можно сформулировать следующее правило: ПД в теме оформляется посессивным аккузативом, ПД в реме оформляется собственно аккузативом или выступает в немаркированной форме. Однако для печорского важным оказывается также наличие контраста и соотношение статусов ПД и глагола.

Согласно нашим данным, в печорском ПД, которое является топиком высказывания (140), всегда оформляется посессивным аккузативом (нам не встречалось контрпримеров на данное правило). Таким же образом ведет себя контрастный топик.

(140) Kəni kəluj? – Kəluj-sə təl nun-al-i-s.
 где белье белье-ACC.3 ветер уносить-DISTR-PRT-3

Где белье [которое сушилось на веревке]? — Белье ветер унес.

Если же ПД — не топик, а лишь является частью темы, то возможны обе стратегии оформления. При этом посессивный аккузатив более частотен. Рассмотрим следующие примеры.

(141) Te pes-sə kerav-ny kuž-a-n al'i vok-yd te
 ты дрова-ACC.3 рубить-INF уметь-NPST-2 или брат-2 ты
 rуд'd'i keral-ə?
 вместо рубить-PRS.3

Ты дрова рубить умеешь или брат вместо тебя рубит?

- (142) Mun-a-m   č'aj   ju-a-m! —   Č'aj ju-ny   me o-g
идти-NPST-1PL   чай   пить-NPST-1PL   чай   пить-INF   я   NEG.NPST-1
kəsju, me š'oj-ny   kəs-j-a!
хотеть я   есть-INF   хотеть-NPST

Пойдем пить чай! — Чай пить я не хочу, я есть хочу!

В (140) к теме высказывания относится только ПД, в то время как в (141)—(142) темой является вся глагольная группа. При этом в (141) выбирается посессивный аккузатив, как и в (140), а в (142) — немаркированное имя. Можно предположить, что в (142) выбор немаркированного имени связан с тем, что внутри глагольной группы ни один из ее компонентов не имеет бóльшую коммуникативную выделенность по отношению к другому.

Если ПД находится в реме, возможны следующие варианты. В целом, более частотна немаркированная форма / собственно аккузатив:

- (143) Muj læš'-əd-i-s   bat'? —   Bat' læš'-əd-i-s   potšəs.
что   обтёсывать-TR-PRT-3   отец   отец   обтёсывать-TR-PRT-3   забор

Что обтесал отец? Отец обтесал ЗАБОР.

Однако это не строгое правило. Наиболее четко оно соблюдается, если ПД само по себе составляет фокус контраста:

- (144) Kolə   pyzan   myš'kav-ny,   а   n'e   rakovina.
надо   стол   мыть-INF   а   не   раковина

Надо помыть СТОЛ, а не раковину. {Говорящий и слушающий стоят на кухне, обсуждая предметы на этой кухне.}

Нами не было обнаружено ни одного случая, когда ПД в фокусе контраста оформлялось бы посессивным аккузативом (даже если ПД — определенное, как в (144)). Если же ПД не составляет фокус контраста само по себе, а является частью группы в фокусе контраста, то возможен и посессивный аккузатив. Например, если фокус контраста — на модификаторе в ИГ, то ПД чаще оформляется посессивным аккузативом:

- (145) Yžyd   ty   orč'-i-m   i   ič'ət-ž'ik   ty.
большой   озеро   проходить-PRT-1PL   и   маленький-CMPR   озеро
Mi yžyd   ty-sə   až'ž'-yvl-i-m.
мы   большой   озеро-ACC.3   видеть-ITER-PRT-1PL

Мы проходили мимо большого озера и озера поменьше. [Но] видели [только] большое озеро.

По-видимому, такая конструкция — аргумент за то, что в таком случае синтаксически фокусом контраста является определение, а ПД относится к теме.

Остальные типы ремы допускают бóльшую вариативность. Если ПД является частью ремы, то чаще всего выбирается немаркированная форма / собственно аккузатив:

- (146) Te   kan'-jas-əs   rad'ejt-a-n   al'i   pon-jas-əs?
ты   кошка-PL-ACC   любить-NPST-2   или   собака-PL-ACC

Ты любишь кошек или собак?

Однако в зависимости от референциального статуса может предпочитаться посессивный аккузатив:

- (147) Te pervoj dərəm-sə myš'kal-a-n al'i stav kəluj-sə?
ты сначала рубашка-ACC.3 мыть-NPST-2 или весь белье-ACC.3
{ЛК: Говорящий и слушающий обсуждают одежду, приготовленную для стирки.} Ты сначала будешь рубашки стирать или все белье?

Этот же принцип действует, если ПД является фокусом в составе ремы:

- (148) Te veš'ig šyd-sə šonty-ny o-n vermy,
ты даже суп-ACC.3 греть-INF NEG.NPST-2 мочь
myj šu-ny č'eri jyl-yš'
что говорить-INF рыба верх-EL
Ты даже суп не можешь подогреть, не то что рыбу! (букв. что говорить о рыбе)

В (147) ПД является определенным в силу конситуации и оформляется посессивным аккузативом, несмотря на то, что находится в реме. В (148) ИГ «суп» имеет родовой референциальный статус и составляет рему; вся остальная часть высказывания относится к теме. Такие ИГ могут оформляться посессивным аккузативом (хотя чаще используется стратегия «немаркированная форма/собственно аккузатив»).

Таким образом, определенные и родовые ИГ могут оформляться посессивным аккузативом, даже находясь в реме. То есть, фактор референциального статуса может «перевешивать» фактор коммуникативного членения. Если же ПД составляет фокус контраста, этого не происходит.

Отдельно следует остановиться на ограничениях на порядок слов при выборе оформления ПД. В отличие от марийского языка, в печорском диалекте коми-зырянского нет строгих ограничений на порядок следования ПД и глагола; в современном языке одинаково допустимы порядки SOV и SVO. При обоих порядках возможны обе стратегии оформления ПД, ср. (146) и (147) с SOV, а также (150) и (152) с SVO¹⁸. Кроме того, обе стратегии оформления допускают линейный разрыв глагола и ПД. Однако есть ограничение следующего плана: если ПД оказывается в абсолютном начале предложения и отрывается от глагола несколькими элементами, возможен только посессивный аккузатив:

- (149) Dərəm-sə / *Dərəm təryt mam peslal-i-s.
рубашка-ACC.3 рубашка вчера мама стирать-PRT-3
Мама вчера рубашку постирала.

Мы объясняем это действием фактора коммуникативного членения: согласно суждению носителей языка, при таком порядке наиболее вероятно прочтение ПД как топика. В таком случае оно должно оформляться посессивным аккузативом, согласно правилу, сформулированному выше.

Интересно, что в изолированных предложениях оказывается релевантно, находится ли ПД в абсолютном конце предложения или нет. Например, в (150) и (151) носители предпочли ПД в немаркированной форме. Однако при добавлении контекста справа был выбран посессивный аккузатив, ср. (152), (153).

¹⁸ В этом данные печорского диалекта расходятся с данными литературного языка, ср. [Лыткин 1955: 142].

(150) Vat'-ə gər-i-s mu.
отец-1SG пахать-PRT-3 поле
Отец вспахал поле.

(151) Pet'a vəč'-i-s das kyk pyž.
Петя делать-PRT-3 десять два лодка
Петя сделал 12 лодок.

(152) Vat'-ə gər-i-s mu-sə gər-jən.
отец-1SG пахать-PRT-3 поле-ACC.3 плуг-INSTR
Отец вспахал поле плугом.

(153) Pet'a vəč'-i-s das kyk pyž-sə, ješšə kəsj-ə vəč'-ny.
Петя делать-PRT-3 десять два лодка-ACC.3 еще хотеть-PRS.3 делать-INF
Петя сделал 12 лодок и еще хочет сделать.

Как представляется, данное противопоставление также связано с фактором коммуникативного членения. Согласно нашим данным, в печорском фокусная позиция при порядке SVO — в абсолютном конце предложения. Если в данной позиции находится ПД, оно в изолированном предложении интерпретируется как фокус. Если же данную позицию занимает другая составляющая, то скорее именно она будет осмыслена как новая информация. Соответственно, ПД интерпретируется, как часть темы, и оформляется посессивным аккумулятивом.

Интересно также, что при высказываниях, имеющих целью активацию уже известной информации (например, *Я же говорил, что уеду* в ситуации, когда в предтексте или предыдущем разговоре уже звучала информация, что говорящий уедет), ПД обычно маркируется посессивным аккумулятивом:

(154) Me že viš'tal-i miš'a n'əb-i n'an'-sə!
я же говорить-PRT AUTOCIT покупать-PRT хлеб-ACC.3
Я же говорила, что я купила хлеб!

Такое употребление может быть объяснено влиянием коммуникативного членения (в данном случае вся зависимая предикация относится к теме, и соответственно, ПД оформляется посессивным аккумулятивом) либо можно предположить, что посессивный аккумулятив в данном случае имеет дискурсивную функцию, а именно оформляет компонент предложения, находящийся в прагматической пресуппозиции [Lambrecht 1994]. Как представляется, это употребление близко употреблению данного показателя при инфинитиве, ср.:

(155) Mijan drəbal-i-s ut'ug-ny-m, a me o-g təd
мы.GEN1 дробиться-PRT-3 утюг-PL-1 а я NEG.NPST-1 знать
kyž'i sij-ə vəč'-ny-sə.
как тот-NA делать-INF-ACC.3
У нас сломался утюг, а я не знаю, как его починить.

По-видимому, в данном случае и в (154) данный показатель может интерпретироваться, как маркер пресуппозиции. Заметим, что в такой функции

данный показатель употребляется только при ПД и при инфинитиве. Однако подробно вопрос о функции данного показателя при инфинитиве не изучался¹⁹.

3.3.4. Референциальный статус

Как было отмечено в п. 3.3.2, часть исследователей коми-зырянского языка считают основным фактором, влияющим на выбор оформления ПД, одушевленность ИГ [Бубрих 1949; Федюнева 1998], в то время как другие исследователи приводят фактор определенности [Лыткин 1955: 142; Лыткин, Тимушев 1961: 864; Прокушева 1984].

Согласно нашим данным, полученным в печорском диалекте, фактор референциального статуса играет второстепенную роль, т. е. оказывает влияние лишь в случаях, оговоренных в пункте 3.3.3 — чаще всего, если ПД относится к реме, но не является фокусом контраста. При этом в целом действует та же тенденция, что и во многих языках с дифференцированным маркированием ПД: определенные и атрибутивные ПД чаще маркируются посессивным аккумулятивом (156)—(157), а неопределенные, слабо определенные и нереферентные ПД (кроме атрибутивных) — по второй стратегии, собственно аккумулятив либо отсутствие оформления (158)—(163). Приведем примеры:

- определенные

- (156) Vaj men-ym č'aška-sə! – Kod naj-sə?
 нести я.OBL-DAT чашка-ACC.3 какой они-ACC.3
 — Vaj men-ym st'eklə-š'i-s č'aška-sə!
 нести я.OBL-DAT стекло-EL-3 чашка-ACC.3

Принеси мне чашку! — Которую из них [из тех, что на столе]? — Принеси мне стеклянную чашку!

- атрибутивные

- (157) Me korš'a purt-sə kodi medš'a još' medym
 я искать-NPST нож-ACC.3 который самый острый чтобы
 vundal-ny jaj.
 резать-INF мясо

Я ищу нож, достаточно острый, чтобы резать мясо (букв. который достаточно острый).

- слабо определенные

- (158) Te e-n vəl, a Vaš'a n'əb-i-s mašyna
 ты NEG.PRT-2 быть а Вася покупать-PRT-3 машина
 i mijan-ly petkədl-i-s.
 и мы.OBL-DAT показывать-PRT-3

Тебя не было, а Вася купил машину, вчера нам показывал.

- неопределенные

¹⁹ О дискурсивных функциях посессивного аккумулятива в литературном коми-зырянском см. [Прокушева 1984]; о дискурсивных функциях посессивных показателей в уральских языках — [Suihkonen 2005] и раздел I.5 «Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках».

(159) Me təryt aʒʒ'-i tuj vyl-yš' **sumka.**
 я вчера находить-PRT дорога верх-EL сумка
 Voš't-a sumka-sə, aʒʒ'-a **portman'et, passport.**
 открывать-NPST сумка-ACC.3 видеть-NPST кошелек паспорт
Я вчера нашел на улице сумку. Открываю сумку, вижу: кошелек, паспорт.

- экзистенциальные

(160) Pet'a kəsj-ə n'əb-ny **pištšal'.**
 Петя хотеть-PRS.3 покупать-INF ружье
Петя хочет купить ружье.

- неопределенные в контексте с отрицанием

(161) Me e-g n'əb **n'an'** bara kom-a-s vetly-ny magaž'in-ə.
 я NEG.PRT-1 покупать хлеб опять случай-INESS/ILL-3 ходить-INF магазин-ILL
Я не купила хлеба, надо опять в магазин идти.

- универсальные

(162) Men-am pi-əj š'oj-ə l'ubəj **rok.**
 я.OBL-GEN1 сын-1SG есть-PRS.3 любой каша
Мой сын любую кашу ест.

- родовые в гипотетическом контексте

(163) Uš'kəd-a-n kə **purt, siž'-kə** lokt-a-s gəš't.
 ронять-NPST-2 COND нож так-INDEF приходить-NPST-3 гость
Если уронишь нож, значит, придет гость.

Следует пояснить, почему мы считаем референциальный статус менее важным фактором, чем коммуникативное членение высказывания, несмотря на то, что во всех случаях, кроме контекстов, где ПД является топиком или фокусом контраста, наблюдаются нарушения сформулированных в 3.3.3 правил.

Дело в том, что даже в тех контекстах, где допускается вариативность, коммуникативное членение предсказывает выбор оформления с вероятностью около 70%. Для сопоставления, референциальный статус — для определенных и родовых ИГ — предсказывает выбор оформления лишь в 55—65% случаев (см. столбец «Итого» в таблице 7), что при такой малой выборке близко к случайному распределению. Последовательное сопоставление обоих факторов дает более четкую картину: наибольшая вариативность наблюдается для тех случаев, когда факторы действуют «разнонаправлено», т. е. тогда, когда согласно коммуникативному членению, ожидается одна стратегия оформления, а согласно правилу референциального статуса, необходима другая стратегия. Например, это происходит в клетках «определенный в составе ремы» и «родовой в составе темы». Заметим, что родовые ИГ более последовательно подчиняются фактору коммуникативного членения: например, в составе ремы данные ИГ почти в 90% случаев оформляются аккумулятивом либо выступают неоформленными.

Таблица 7. Влияние референциального статуса и коммуникативного членения высказывания на выбор оформления ПД (объем выборки составляет 321 пример)

Референциальный статус	Оформление ПД	Фокус контраста	В составе ремы	В составе темы	Топик	Итог
Определенный	немаркированное ПД, АКК	8 100 %	43 69 %	13 23 %	0	64 44 %
	ПОСС-АКК	0	19 31 %	44 77 %	20 100 %	83 56 %
	Всего	8	62	57	20	147
Неопределенный	немаркированное ПД, АКК	9 100 %	99 93 %			108 94 %
	ПОСС-АКК	0	7 7 %			7 6 %
	Всего	9	106			115
Родовой	немаркированное ПД, АКК	4 100 %	28 88,5 %	7 33 %	0	39 66 %
	ПОСС-АКК	0	4 12,5 %	14 67 %	2 100 %	20 34 %
	Всего	4	32	21	2	59

Малый размер выборки в таблице 7 обусловлен тем, что мы стремились отобрать примеры, где можно однозначно определить референциальный статус ИГ и коммуникативное членение. В целом, анализировалось около 1300 примеров, однако для многих из них указанные параметры принимают спорное значение. Также мы исключили те типы референциального статуса, которые в принципе встречаются реже и, вследствие этого, представлены в нашей выборке небольшим числом предложений (слабо определенный, атрибутивный, экзистенциальный).

Итак, в зависимости от коммуникативного компонента, в котором появляется ПД, референциальный статус играет большую или меньшую роль. Как было показано в п. 3.3.3, если ПД составляет топик или фокус контраста, оформление выбирается вне зависимости от референциального статуса. В остальных случаях коммуникативное членение определяет выбор оформления на около 70%: если ПД принадлежит реме, выбирается вторая стратегия — собственно аккузатив или отсутствие оформления; если же ПД принадлежит теме, первая стратегия — посессивный аккузатив. В остальных 30% случаев оказывает влияние фактор референциального статуса ПД.

Рассмотрим отдельно поведение родовых ИГ. Как видно из таблицы 7, родовые ПД чаще ведут себя так же, как неопределенные и нереперентные ИГ. В реме данные ИГ чаще оформляются по второй стратегии (164) (аккузатив или отсутствие оформления), реже — посессивным аккузативом (165):

(164) Men-am pi-əj o-z š'oj jaj-a pirəg.
я.OBL-GEN1 сын-1SG NEG.NPST-3 есть мясо-ATTR пирог
Мой сын не ест пироги с мясом.

(165) Sij-a o-z kuž šyd-sə pu-ny.
этот-NOM NEG.NPST-3 уметь суп-ACC.3 варить-INF
Она не умеет варить суп.

В составе темы данные ИГ чаще оформляются посессивным аккузативом (166) и значительно реже — по второй стратегии (167).

(166) Te marka-jas-sə č'ukərt-a-n al'i šyblal-a-n?
ты марка-PL-ACC.3 собирать-NPST-2 или выкидывать-NPST-2
'{А марки?} Ты марки собираешь или выкидываешь?'

(167) **Čak-jas** vot-ny kolə gožəmnas.

гриб-PL собирать-INF надо летом

{ЛК: Приезжие пошли весной по грибы.} Грибы собирать надо летом.

В (166) и (167) ПД имеет родовой референциальный статус и в обоих случаях ПД оказывается в теме — в первом случае ремю составляет глагол, во втором случае — вторая часть, ‘надо летом’. Однако ПД оформляется различным образом, в (166) выбирается посессивный аккузатив, в (167) — немаркированное имя. Это можно объяснить тем, что в (166) ПД выделено внутри глагольной группы, а в (167) оно является частью «типовой ситуации», которая семантически представляет собой единое целое. Соответственно, оформление ПД отражает его дискурсивные свойства: дискурсивно незначимый участник — часть типовой ситуации — обозначается немаркированным именем (166), а дискурсивно значимый участник — посессивным аккузативом.

Обобщая полученные данные, можно сказать, что существуют два контекста, жестко определяющих выбор оформления ПД — это фокус контраста и топикальный контекст. В остальных случаях коммуникативное членение лишь задает тенденцию, не определяя выбор оформления строго. При этом релевантным оказывается фактор референциального статуса. Заметим, что даже в тех случаях, когда коммуникативное членение и референциальный статус действуют «однаправлено», т. е. требуют одинакового оформления (например, определенное в составе темы или неопределенное в составе ремы), выбор оформления не определяется однозначно (23 % «нарушений» в первом случае, 7 % — во втором случае). По нашим наблюдениям, это происходит, во-первых, в силу дискурсивных факторов; во-вторых, в ряде случаев, когда ИГ оформляется посессивным аккузативом, это объясняется эмфатической функцией данного показателя, которая отмечается для литературного коми-зырянского [Прокушева 1984]; см. ниже об эмфатической частице *-sə*.

Рассмотрим ограничения на оформление ПД, накладываемые различными типами модификаторов, а также ограничения, связанные с типом вершины. Некоторые ограничения такого типа оказываются более важными, чем семантико-дискурсивные факторы, обсуждаемые выше. В частности, личные местоимения, имена собственные и местоимение *bydən* «любой» присоединяют только показатель собственно аккузатива, вне зависимости от референциального статуса. Например, в (168) имя собственное имеет определенный референциальный статус, в то время как в (169) имя собственное употребляется, как слабо определенное. Однако в обоих случаях возможен только один способ оформления:

(168) Mam-ys myš’k-i-s **Maša-əs** / *Maša / *Maša-sə²⁰.

мать-3 мышь-PRТ-3 Маша-ACC Маша Маша-ACC.3

Мать искупала Машу.

(169) Me təd-a tol’kə kujim **Kat’a-əs**.

я знать-NPST только три Катя-ACC

Я за всю жизнь знал только трех Катю.

Местоимения 3-го лица *sija*, *taja* и *naja* в позиции ПД присоединяют аккузатив (например, *sij-əs*) либо выступают в усеченной форме *sijə* (та же форма, наряду с вариантом на *-a* (*sija*), может использоваться в номинативе). По

²⁰ Некоторые носители разрешают посессивный аккузатив при именах собственных, однако сами они не порождали подобных примеров.

нашим данным, формы *sij-əs/sijə* находятся в отношении свободного варьирования.

Местоимение *stav* 'все' выступает в ПД только в форме посессивного аккузатива:

- (170) Pet'a stav-sə / *stav nu-i-s.
 Петя весь-АСС.3 весь уносить-PRT-3
{На столе лежало несколько книг.} Петя всё унес.

Если в ПД выступает местоимение *myj* «что», оно обычно не оформляется:

- (171) Myj Pet'a n'əb-i-s magaž'in-yš'
 что Петя покупать-PRT-3 магазин-EL
Что Петя купил в магазине?

Собственно аккузатив с этим местоимением невозможен. При присоединении показателя *-sə* данное местоимение интерпретируется особым образом, 'и что только':

- (172) Myj-sə Pet'a abu n'əb-əma magaž'in-yš'
 что-АСС.3 Петя NEG.COP покупать-PF магазин-EL
И чего только Петя не купил в магазине!

ИГ, в состав которых входят местоимения *tatčəm* «такой» и *una* «много», могут маркироваться всеми тремя способами, в зависимости от семантических факторов, обсуждаемых в пп. 3.3.2, 3.3.3 и 3.3.4. Например:

- (173) Me tatčəm pyzan dəra-sə / pyzan dəra kol'an
 я такой стол холст²¹-АСС.3 стол холст
 прошлый
 vo sot-i.
 год жечь-PRT
Я такую скатерть сожгла в прошлом году.

Все остальные типы местоимений (рефлексив, реципрок, местоимения *ət'ik* «один», *n'eat'ik* «ни один», *təd* «другой», *n'ekutun* «несколько» и *kodi* «кто») и субстантивированные числительные, прилагательные и причастия, выступая в позиции ПД, не могут употребляться в немаркированной форме:

- (174) Kod-əs /*kodi te set-iš' až'ž'-i-n?
 кто-АСС / кто ты там-EL видеть-PRT-2
Кого ты там видел?

В зависимости от семантических факторов, которые обсуждаются в пп. 3.3.2 и 3.3.3, данные типы местоимений присоединяют собственно аккузатив (174) либо посессивный аккузатив:

- (175) Kod-sə te boš't-a-n – ron-sə al'i kan'-sə?
 кто-АСС.3 ты брать-NPST-2 собака-АСС.3 или кошка-АСС.3
Кого ты возьмешь с собой — собаку или кошку?

²¹ Композит со значением «скатерть».

С посессивным аккузативом данное местоимение используется в контекстах, аналогичных (175), т. е. когда происходит выбор из заданного в ситуации или контексте множества объектов. Иными словами, посессивный аккузатив при этом и других местоимениях возможен в контексте, где задана известность референта, но не соблюдается требование единичности, см. подробнее комментарий к (6)—(7) в п. 2.4.

Выбор оформления ПД при различных модификаторах отчасти определяется факторами, анализируемыми в 3.3.2 и 3.3.3. В частности, модификаторы, задающие определенный референциальный статус ИГ, требуют посессивного аккузатива, накладывая строгий запрет на все остальные стратегии. Так ведут себя указательные местоимения и зависимые в генитиве:

- (176) Vok-əj pərəd-i-s pu / tonə sij-ə pu-sə (*pu) /
 брат-1SG валить-PRT-3 дерево вон тот-NA дерево-ACC.3 дерево
 aʃ'i-s pu-sə (*pu).
 REFL.GEN2-3 дерево-ACC.3 дерево
Брат повалил дерево / вон то дерево / свое дерево.

Рестриктивные определения и причастные обороты, однако, не налагают таких строгих ограничений, ср.:

- (177) Rəʃ'ə peslal-i-s dərəm, kod-əs te təryt l'akəʃ't-i-n.
 бабушка стирать-PRT-3 рубашка который-ACC ты вчера пачкать-PRT-2
Бабушка постирала [ту] рубашку, которую ты вчера запачкал.

- (178) Me təryt aʒ'ʒ'-yvl-i vyl' uč'it'el'-əs, kodi lokt-əma
 я вчера видеть-ITER-PRT новый учитель-ACC который прибыть-PF
 škola-ə uʒ'al-ny.
 школа-ILL работать-INF
*Я вчера видел нового учителя, который приехал к нам в школу работать.
 {Говорящий сообщает слушающему новую информацию: «оказывается, у нас в школе будет новый учитель работать»}*

В (177) представлено рестриктивное относительное предложение, в (178) — нерестриктивное. В обоих случаях ПД оформляется по второй стратегии, т. е. собственно аккузативом (178) или без показателя (177).

Строгий грамматический запрет возникает также в контексте неопределенного местоимения *kučəmkə* «какой-то/-нибудь». При данном местоимении ПД оформляется по второй стратегии; посессивный аккузатив при данном местоимении чаще всего запрещается²²:

- (179) Vok-əj pərəd-i-s kučəm-kə pu / *pu-sə.
 брат-1SG валить-PRT-3 какой-INDEF дерево дерево-ACC.3
Брат повалил дерево.

Интересно, что, таким образом, контекст некоторых типов формальных модификаторов, эксплицитно указывающих на референциальный статус, закрепляет за собой то или иное средство оформления ПД, в то время как при отсутствии таких модификаторов фактор референциального статуса «подавляется» фактором коммуникативного членения.

²² Ср., однако, (19) и комментарий к нему.

Все остальные типы модификаторов — местоимения с количественной семантикой («много», «несколько», «немного» и др.), универсальные квантификаторы *byd* (*byd pələs*, *bydš'ama*) и *l'ubaj* «любой, каждый» (180)—(181), (относительно универсального модификатора *stav*²³ «все» см. ниже) числительные, количественные группы, прилагательные, причастия, причастные обороты, зависимые с атрибутивом и существительные в конструкции с соположением (182) — допускают все три стратегии оформления ПД. Приведем несколько примеров:

(180) *Sij-a verm-ə byd pələs š'ojan / š'ojan-sə ru-ny.*
 этот-NOM мочь-PRS.3 любой сорт еда еда-ACC.3 варить-INF
Она все (букв. любую еду) умеет готовить.

(181) *Sij-a verm-ə byd d'et'inka-əs / d'et'inka-sə nəjt-ny.*
 этот-NOM мочь-PRS.3 любой мальчик-ACC мальчик-ACC.3 бить-INF
Он может любого мальчика побить.

(182) *Bat'-ə vaj-i-s pyž' mešək / mešək-sə.*
 отец-1SG нести-PRT-3 мука мешок мешок-ACC.3
Отец принес мешок с мукой.

В других примерах пункта 3.3 обсуждаются лишь те случаи, когда ИГ выступает без модификаторов, либо когда выбор модификатора не влияет на стратегию оформления ПД.

3.3.5. Квантификация ПД

В исследованиях по оформлению ПД в прибалтийско-финских и мордовских языках фактор полного охвата приводится, как один из наиболее релевантных [Тамм 2004; Цыганкин 1977]. Что касается пермских языков, данный фактор обсуждался лишь относительно удмуртского языка [ГСУЯ; Кондратьева 2002]; работ, указывающих на важность квантификации ПД для оформления ПД в коми-зырянском, нам не известно. Для печорского диалекта, данный фактор оказывается релевантным только в одном контексте — это контекст универсального квантификатора *stav* 'все' (как и в удмуртском и эрзя-мордовском — в отличие от марийского).

(183) *Maša kiš't-i-s stav sakar-sə /* stav sakar č'aj-a-s.*
 Маша сыпать-PRT-3 весь сахар-ACC.3 весь сахар чай-INESS/ILL-3
Маша высыпала весь сахар в чай.

Если речь идет о кумулятивном объекте, как сахар в (183), то при универсальном модификаторе ПД не может выступать в немаркированной форме. Если же речь идет о множестве квантованных объектов, то чаще используется посессивный аккузатив, однако возможна и немаркированная форма (или собственно аккузатив для одушевленных):

(184) *Vaš'a š'oj-i-s stav papu-sə / stav papu.*
 Вася есть-PRT-3 весь пирог-ACC.3 весь пирог
Вася съел все пирожки.

²³ См., однако, исключения из данного правила в п. 3.3.5.

альтернативная стратегия, в зависимости от одушевленности ПД. В остальных случаях действует правило выбора посессивного аккузатива для ПД в теме и альтернативной стратегии для ПД в реме, однако оно может нарушаться в зависимости от референциального статуса и дискурсивных факторов.

3.4. Удмуртский язык (бесермянский диалект)

3.4.1. Показатели прямого дополнения и посессивные показатели

Как и в печорском диалекте коми-зырянского, в бесермянском диалекте удмуртского языка зафиксировано три основных способа оформления ПД: отсутствие оформления (185а), собственно аккузатив на *-ez* (185б) и посессивный аккузатив (185в), или аккузатив на *-e* при посессивном показателе.

(185) а. So t̄ɪl ž'ət-i-z.
 тот огонь разжечь-PRT-3

Он разжег огонь.

б. So k̄s-i-z t̄ɪl pu-ez.
 тот тушить-PRT-3 огонь дерево-ACC

Он потушил пожар (букв. дерево огня).

в. Vaš'a p̄d-jos-s-e kott-i-z.
 Вася нога-PL-3-ACC промочить-PRT-3

Вася промочил ноги.

В отличие от печорского, в бесермянском существует также особый показатель аккузатива множественного числа *-t̄ə*:

(186) So vel't-e č'ašja-je č'əž-jos-t̄ə / *č'əž-jos / č'əž əb-əl-ən̄ə.
 тот ходить-PRS.3SG лес-ILL утка-PL-ACC.PL утка-PL утка стрелять-ITER-INF

Он часто ходит в лес стрелять уток.

Данный показатель является обязательным при наличии суффикса множественного числа *-jos*. Как и в других финно-угорских языках, в исследуемом идиоме форма единственного числа может использоваться при множественном референте (см. I.4 «Категория числа существительного в марийском и пермских языках»). В таком случае показатель *-t̄ə* не употребляется (186). При наличии посессивной связи данный показатель также не используется: ИГ маркируется показателем множественного числа и одним из посессивных показателей (185в). Соответственно, далее, говоря о распределении показателей, мы будем иметь в виду, что показатель *-t̄ə* выступает в тех же контекстах (не учитывая значения единственности/множественности), что и аккузатив на *-ez*.

Что касается категории посессивности, система бесермянского может показаться похожей на коми-зырянскую. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что различным образом устроены как сами системы, так и правила распределения показателей собственно аккузатива и посессивного аккузатива. В бесермянском система посессивных показателей похожа на печорскую, однако иначе выражается число посессора (в печорском множественное число выражается отдельным показателем; в бесермянском для этого используется показатель *-s* для ПД и *-ə* для остальных падежей). В обоих идиомах посессивные

маркеры для ПД противопоставляются посессивным маркерам для остальных синтаксических позиций.

Таблица 8. Парадигма посессивных показателей в бесермянском²⁴

Лицо, число	В номинативе или перед падежным показателем	Прямое дополнение
1 ед.ч.	-(j)e / -(j)ê // -(j)êm / -m ²⁵	-m-e
2 ед.ч.	-(j)ed / -(j)êd / -d	-d-e
3 ед.ч.	-(j)ez / -(j)êz / z	-z-e
1 мн. ч.	-m-ê	-m-e-s
2 мн. ч.	-d-ê	-d-e-s
3 мн. ч.	-z-ê	-z-e-s

В отличие от печорского диалекта коми-зырянского языка, в бесермянском диалекте удмуртского посессивный аккузатив чаще всего употребляется именно для выражения принадлежности. Случаи употребления посессивного аккузатива в контекстах, не предусматривающих посессивного отношения, крайне редки и ограничиваются узким кругом контекстов — это контексты, когда ПД является контрастным топиком или служит для активации полуактивированной информации, а также контекст некоторых типов модификаторов в ИГ, см. п. 3.4.5. В остальных случаях употребляется собственно аккузатив или же ПД выступает без оформления. Далее, рассматривая факторы выбора оформления ПД в бесермянском, мы в основном будем говорить об аккузативе или об отсутствии оформления, имея в виду, что употребление посессивного аккузатива ограничивается специальными контекстами.

Заметим, что в отличие от печорского, в бесермянском посессивный маркер не обязателен в контекстах, когда может усматриваться связь типа «обладатель-обладемое»:

- (187) Mar so kal' kar-e? – So l'êpet tupa-t't'a.
 что тот сейчас делать-PRS.3SG тот крыша годиться-TR-MULT
Что он сейчас делает? Он чинит крышу [своего дома].

Другое отличие бесермянского от печорского — нерелевантность одушевленности референта ПД. В бесермянском и одушевленные, и неодушевленные ИГ могут оформляться посессивным аккузативом, собственно аккузативом или выступать без оформления, в зависимости от одних и тех же факторов.

3.4.2. Порядок слов

Как и в коми-зырянском, в удмуртском не наблюдается каких-либо жестких запретов на выбор оформления ПД в зависимости от порядка слов.

При отрыве ПД от глагола (порядок слов О X VS или О X SV) нежелательно, но возможно отсутствие аккузатива (188а); при порядке слов VO ограничений на отсутствие маркера не наблюдается (188б).

²⁴Мы не приводим окончания, который используются только для местоимений: *im/ id/ iz* (см. Грамматические таблицы и комментарии).

²⁵Варианты на *-e/-ê* используются в номинативе или перед падежным показателем; после падежного показателя употребляются варианты на *-m*. О распределении алломорфов посессивных маркеров в бесермянском подробнее см. Грамматические таблицы и комментарии.

(188) a. Mi **turân** kâd'âk-ân turna-m.
мы сено далеко-INSTR косить-1PL
Мы вчера сено косили далеко.

б. So baš'-t-i-z **pânâ**.
тот купить-SMLF-PRT-3 собака
Он купил собаку.

3.4.3. Референциальный статус именной группы

На важность определенности/неопределенности ПД для выбора его оформления в удмуртском языке указывается в ряде работ по литературному удмуртскому, см., в частности, [ГСУЯ: 93; Csucs 1990: 34; Winkler 2001: 20; Кондратьева 2002]. Для бесермянского фактор референциального статуса ПД, по-видимому, является наиболее релевантным. Фактор одушевленности не влияет на оформление ПД (напр., одушевленные ИГ могут оставаться неоформленными (189)); коммуникативное членение высказывания оказывает влияние лишь в узком классе контекстов. Ряд ограничений накладывается модификаторами ИГ, однако если рассмотреть данные ограничения подробнее, они оказываются также связаны с референциальным статусом. Рассмотрим подробнее, как именно влияет фактор референциального статуса.

В бесермянском определенные ИГ оформляются показателем аккузатива, ср.:

(189) Mil'am piš'aj-âm-â šâr kut-i-z. So bere
мы.GEN1 кот-1-PL мышь ловить-PRT-3 тот после
es dor-e pun-i-z šâr-ez.
дверь около-ILL класть-PRT-3 мышь-ACC

Наш кот поймал мышь. Потом положил мышь к двери.

Пример (189) представляет собой короткий текст, в котором два раза упоминается один и тот же референт с ролью пациенса. В первом предложении ИГ šâr 'мышь' вводит новый референт в дискурсе, а во втором предложении данный референт уже известен слушающему. Соответственно, говорящий в первом предложении использует немаркированное ПД, а во втором оформляет его показателем аккузатива.

Как и в печорском, в бесермянском если речь идет об известном множестве, то каждый объект этого множества оформляется, как определенная ИГ, даже если неизвестно, о каком конкретно объекте идет речь:

в. {Продают пять коров. Все хорошие}

So kot'-kud-z-e **skal-ez** / *skal baš'-t-isal.
тот хоть-какой-3-ACC корова-ACC / корова братъ-SMLF-COND

Он бы любую корову (из этих) купил.

Все остальные типы референциального статуса (за исключением родового) требуют отсутствия оформления:

- слабо определенные

(190) Mon lăž'-i kn'iga...

я читать-PRТ книга

Я прочитал одну книгу [очень тебе советую].

- неопределенные (см. первую часть примера (189))
- экзистенциальные

(191) So skal baš'-t-ânâ med-e.

тот корова купить-SMLF-INF хотеть-PRS.3SG

Он собирается корову купить.

- родовые в гипотетическом контексте

(192) Jəl baš'-t-ânâ ke, kod'-ku vil'-z-e gine.

молоко братъ-SMLF-INF если хоть-когда новый-3-ACC только

Если молоко покупать, то всегда только свежее (пример Ю. В. Адаскиной).

Универсальные и родовые ИГ в бесермянском допускают варьирование:

- универсальные

(193) So kot'-kud-z-e skal / skal-ez baš'-t-isal.

тот хоть-какой-3-ACC корова / корова-ACC купить-SMLF-COND

Он бы любую корову купил (лишь бы молоко было).

- родовые

(194) So bâgat-e d'eš' pin'al-ez / pin'al bin'-ânâ.

тот мочь-PRS.3SG хороший ребенок-ACC ребенок пеленать-INF

Она хорошо умеет пеленать детей.

В таких случаях оказывается релевантным коммуникативное членение высказывания, см. п. 3.4.5.

Способность родовых и универсальных ИГ следовать обеим стратегиям оформления является ожидаемой, т. к. в типологических работах показано, что с точки зрения различных свойств такие ИГ могут вести себя, как определенные или как неопределенные ИГ. См. шкалу Т. Гивона [Givón 1984: 407], приведенную в пункте 2.4.

Рассмотрим, как кодируются различные типы вершин ИГ и модификаторов. Как и в других рассмотренных идиомах, в бесермянском жесткие ограничения на выбор оформления ПД накладываются типом вершины. Личные и рефлексивные местоимения и имена собственные в позиции ПД всегда оформляются показателем аккузатива. Интересно, что имена собственные, как и в печорском, оформляются аккузативом вне зависимости от их референциального статуса. Сравним (213) и (214):

(195) Tunne Maša-jez Van'a-lê š'ekta-z-ê.

сегодня Маша-ACC Ваня-DAT сватать-3-PL

Сегодня Машу сосватали за Ваню.

(196) Mon kwîn' Maša-jez tod-iš'ko.

я три Маша-ACC знать-PRS

{Ты о какой Маше говоришь?} Я знаю трех Маш.

В (195) речь идет о конкретно-референтном определенном участнике, известном и говорящему, и слушающему. В противоположность (195), в (196) говорящий вводит участников по имени Маша как неизвестных слушающему, т. е. как обладающих слабой определенностью. В каждом из этих случаев обязателен показатель аккузатива.

Что касается модификаторов, в бесермянском большая часть модификаторов не накладывает ограничений на тип оформления ПД. Определительные и относительно-вопросительные местоимения, существительные в немаркированной форме (в конструкции с соположением) и с атрибутивным показателем, прилагательные, числительные, причастия допускают любой тип оформления ПД, в зависимости от семантических факторов, обсуждаемых в пункте 3.4:

(197) So tolon tač'e č'orêg / č'orêg-ez žarit' kar-êl-i-z n'i.
 тот вчера такой рыба / рыба-ACC жарить делать-ITER-PRT-3 уже
Она вчера такую рыбу уже жарила.

Рестриктивные причастные обороты, превосходная степень прилагательного и универсальные квантификаторы требуют оформления ПД посессивным аккузативом:

(198) Mi š'i-iš'ko-m vên-lêš' kut-em č'orêg-z-e každêj nunal.
 мы есть-PRS-1PL брат-GEN2 ловить-NZR рыба-3-ACC каждый день
Мы каждый день едим рыбу, которую ловит брат.

(199) So š'i-i-z samoj zək č'orêg-z-e.
 тот есть-PRT-3 самый большой рыба-3-ACC
Он съел самую большую рыбину.

(200) Tolon bêdes lud-z-e turna-m.
 вчера целый поле-3-ACC косить-1PL
Мы вчера скосили все поле целиком.

Такие свойства демонстрируют также квантификаторы *bêdes* 'целый' и *vič'ak* 'все':

(201) So vič'ak-s-e jəl-z-e ju-i-z.
 тот все-3-ACC молоко-3-acc пить-PRT-3
Он выпил все молоко.

(Как представляется, употребление посессивного аккузатива с универсальными модификаторами связано с функцией данного показателя как отсылки к известному множеству, имеющейся у посессива, см. п. 3.4.5.) Опускание аккузатива в таких примерах не допускается. Квантификатор *vič'ak* 'все' допускает также ПД во множественном числе с показателем *-tə*:

(202) So vič'ak tabeš'-jos-tê korka-š' pəl'-êl-i-z n'i.
 тот все тарелка-PL-ACC.PL дом-EL бить-ITER-PRT-3 уже
Она уже все тарелки в доме перебила.

Указательные местоимения требуют оформления вершины ИГ показателем собственно аккузатива:

(203) So ta **skal-ez** / ***skal** baš'-t-ânê med-e.
 тот этот корова-ACC корова купить-SMLF-INF хотеть-PRS.3SG

Он собирается корову / эту корову купить.

Остальные типы модификаторов не накладывают жесткого запрета на выбор оформления. В принципе, носители предпочитают немаркированную форму при количественных группах, числительных, местоимениях *kot'koč'e*, *kot'kud* 'любой, всякий' и неопределенных местоимениях *kăč'ăke* 'какой-то' *kăč'ăkeno* 'какой-нибудь':

(204) So **kăč'e-ke** **skal** baš'-t-i-z.
 тот какой-INDEF корова купить-SMLF-PRT-3
Он (какую-то) корову купил (я не знаю, какую)

(205) So med-e **kăč'e-ke-no** **č'orôg** kut-ânê.
 тот хотеть-PRS.3SG какой-INDEF-ADD рыба поймать-INF
Он хочет поймать какую-нибудь рыбу.

(206) So okt-i-z **bêdes vedra jablok.**
 тот собирать-PRT-3 полный ведро яблоко
Он набрал полное ведро яблок.

Однако в широком прагматическом контексте — если ПД является топиком, входит в тему и т. п. — аккузатив также допускается:

(207) **Kăč'e-ke** **musugan-ez** so vuza-z.
 какой-INDEF картошка-ACC тот продавать-3
Какую-то картошку он продал {а остальное оставил на зиму}.

Далее, в бесермянском действует то же правило, что и в других рассмотренных в настоящем разделе идиомах — в случае, когда вершиной ИГ является прилагательное, причастие, адъективное числительное или местоимение, оно обязательно оформляется показателем аккузатива (или посессивного аккузатива), ср.:

(208) **Vojna vâl-ti** **soldat'-t'oz** **vij-i-z-ê** **mil'am** **gurt-ăš'**
 война верх-PROL солдат-PL убить-PRT-3-PL мы.GEN1 деревня-EL
ž'uš'-ez / **ž'uš'** **ad'ami-jez** / ***ž'uš'**.
 русский-ACC русский человек-ACC / *русский
Во время войны в нашей деревне солдаты убили одного русского.

В отличие от других описываемых в настоящем разделе идиомов, в бесермянском показатель аккузатива может оформлять и имя в позиции ПД, и модификатор при данном имени:

(209) So vuza-z **kâl'-em-z-e** **kartoška-z-e.**
 тот продавать-3 оставаться-NZR-3-ACC картошка-3-ACC
Он продал оставшуюся картошку.

По-видимому, подобные примеры возникают при разрыве ИГ²⁶, т. к. носителями они произносятся с особой интонацией, при которой как модификатор, так и вершина получают акцентное выделение (в то время как обычно в ИГ акцентоносителем является вершина). Заметим, что в данных случаях используется исключительно посессивный аккумулятив [ГСУЯ; Suikhonen 2005]. Аналогичное оформление при наличии акцентного выделения и на вершине, и на модификаторе возникает при выносе модификатора в абсолютное начало предложения:

- (210) Kăč'e-ke-z-e   šed-t-ânê   val   uč'it'el'-z-e.
 какой-INDEF-3-ACC   находится-TR-INF   быть.PRT   учитель-3-ACC
*{ЛК: Обсуждали до этого, что школе не хватает учителей.} Хоть
 какого-нибудь надо было найти учителя.*

Подобные примеры зафиксированы в тех случаях, когда имеет место эмфатическое выделение модификатора ПД²⁷. Нами, однако, не проводилось экспериментов, которые доказывали бы, что речь идет именно об эмфазе.

3.4.4. Квантификация ИГ

Релевантность квантификации ПД для выбора оформления в литературном удмуртском языке отмечается в [ГСУЯ; Кондратьева 2002 и др.]. Согласно нашим данным, для бесермянского данный фактор лишь отчасти влияет на выбор оформления; в большинстве случаев он игнорируется под влиянием других факторов.

Как и в других финно-пермских языках, анализируемых в настоящем издании, в удмуртском языке нет грамматического противопоставления по виду в глаголе. Если взять изолированное предложение, допускающее и перфективное, и имперфективное прочтения в силу прагматических причин, то возможны обе интерпретации²⁸, например:

- (211) So   ž'ât   až'e   č'orêg / č'orêg-ez   š'i-i-z.
 тот   вечер   перед-ILL   рыба   рыба-ACC   есть-PRT-3
На ужин (букв. вечером) он поел рыбы / доел рыбу.

Как видно из (211), в случае, если глагол не содержит специальных аспектуальных суффиксов, допускается как перфективная, так и имперфективная интерпретация. При этом аккумулятив на ПД имплицитно прочтение ПД как полностью охваченного действия, т. е. перфективную интерпретацию («доел рыбу»). При отсутствии показателя *-ez* на ПД оно имеет партитивную интерпретацию («поел рыбы»), а все высказывание получает имперфективное прочтение. В изолированных предложениях наблюдается следующая закономерность. В контекстах, где возможна только перфективная интерпретация, наблюдаются грамматические запреты:

²⁶ Возможен также анализ, согласно которому определение в (209) и под. представляет собой отдельную ИГ, см. раздел I.6.

²⁷ Как представляется, они являются функциональным и формальным аналогом русских конструкций с разбиением темы в устной спонтанной речи (например, *Красную мне дай кружку*).

²⁸ В русских переводах примеров мы пишем либо тот вид, который имплицитно контекстом, либо, в тех случаях, где это не принципиально, совершенный вид.

(212) So **č'orâg-ez/*č'orâg** si-i-z, no-mar-e-no e-z kel't-â.
 тот рыба-ACC рыба есть-PRT-3 NEG-что-ACC-ADD NEG-3
 оставаться-TR-SG

Он рыбу съел/доел, ничего не оставил.

Комментарий носителя: č'orâg означает, что съедена не вся рыба, а лишь ее часть.

В (212) дан контекст, полностью исключаящий имперфективную интерпретацию, и носитель предпочел оформить ПД аккузативом. Опускание аккузатива, согласно суждению носителя, в данном контексте недопустимо, а возможно только при партитивном прочтении. (Заметим, что ПД является определенным референтным.)

Следующая пара предложений иллюстрирует употребление маркера ПД в изолированных предложениях в контексте перфективирующих и импективирующих обстоятельств, используемых в ряде работ для иллюстрации выражения видовых значений (*пять минут vs. за пять минут*). В удмуртском нет противопоставления перфективирующих и импективирующих обстоятельств, обозначающих отрезок времени; интерпретация обстоятельства времени как перфективирующего/ имперфективирующего может зависеть от маркирования ПД:

(213) а. Pet'a š'i-i-z **ž'uk** vit' minutskân.
 Петя есть-PRT-3 каша пять за.минуту
Петя ел кашу пять минут.

б. Pet'a š'i-i-z **ž'uk-ez** vit' minutskân.
 Петя есть-PRT-3 каша-ACC пять за.минуту
Петя доел кашу за пять минут.

В (213а) ПД не оформляется аккузативом, и ситуация интерпретируется как имперфективная, с партитивным объектом. С показателем аккузатива (213б), напротив, ситуация трактуется как перфективная, с полным охватом объекта действием.

Такая тенденция — оформление ПД аккузативом при его полном охвате действием — наблюдается только при кумулятивных объектах в инкрементальной ситуации. Таким образом, можно наблюдать эффекты, отмеченные в исследованиях по аспектуальной композиции [Krifka 1989б], когда оформление ПД (и ее референциальный статус) может при прочих равных условиях задавать аспектуальную интерпретацию предложения²⁹.

Однако, как и в ситуации с аспектом в шокшинском диалекте эрзянского, квантификация ИГ не является определяющим фактором, т. е. возможны случаи, когда при имперфективной интерпретации глагола (заданной контекстом или специальным аспектуальным суффиксом) ПД оформляется аккузативом. Например, в (214) ПД является топиком и, соответственно, оформляется аккузативом, несмотря на партитивность:

²⁹ Ср. англ. *He ate apples vs. He ate the apples* — определенность ИГ *the apples* влечет перфективную интерпретацию, в то время как сам глагол не содержит никаких указаний на то или иное аспектуальное значение.

(214) Jablok-**ez** kurč'-**âl-i-z-** kurč'-**âl-i-z,** š'i-isa e-z bâdt-**â.**
яблоко-ACC кусать-ITER-PRT-3 кусать-ITER-PRT-3 есть-CONV NEG-3заканчивать-
SG

Он яблоко понадкусывал, понадкусывал, но не доел.

Посессивный аккузатив также может использоваться и при полном охвате объекта действием, и при партитивной интерпретации. Например, следующее высказывание, согласно интуиции носителей, может быть произнесено и в контексте «пролить суп несколько раз (не полностью)», и в контексте «вылить весь суп»:

(215) So šâd-z-e kiš'ka-z.
тот суп-3-ACC лить-3

а. Она пролила суп несколько раз на пол {часть супа осталась}.

б. Она вылила весь суп. {Суп оказался невкусный, она весь вылила скотине.}

Сформулированному выше принципу следуют ИГ с универсальными модификаторами *vič'ak* «весь, все» и *bâdes* «весь, целый»: контекст данных модификаторов требует посессивного аккузатива (реже допускается собственно аккузатива):

(216) а. Tolon bâdes lud-z-e turna-m.
вчера целый поле-3-ACC косить-1PL

Мы вчера скосили все поле целиком.

б. So vič'ak-s-e jâl-z-e ju-i-z.
тот все-3-ACC молоко-3-ACC пить-PRT-3

Он выпил все молоко.

Данное правило действует для всех типов кумулятивных объектов, как для неисчисляемых в единственном числе (216б), так и для исчисляемых во множественном числе:

(217) So vič'ak tabeš'-jos-tâ korka-š' pâl'-âl-i-z n'i.
тот все тарелка-PL-ACC.PL дом-EL разбить-ITER-PRT-3 уже

Она уже все тарелки в доме перебила.

Опущение аккузатива в (215)–(217) не допускается.

Если квантификация выражается вне ИГ (например, в обстоятельственных группах или других ИГ той же клаузы), занимающей позицию ПД, оно также оформляется либо показателем посессивного аккузатива (218), либо показателем аккузатива (219):

(218) Lud-âš' turân-z-e vič'ak turna-m.
поле-EL трава-3-ACC все косить-1PL

С поля траву всю скосили.

(219) Bâdes gerə-os vâl-âš' musugan-ez kopa.
целый окученная.грядка-PL поверхность-EL картошка-ACC копать

Выкопай картошку со всех грядок (букв. с верха всех окученных грядок).

Как видно из примеров, оформление ПД, с одной стороны, влияет на референциальную интерпретацию ИГ, с другой, на ее квантификацию. Однако

квантификация ПД не накладывает жестких запретов на выбор его оформления, поэтому в иерархии факторов ниже мы для простоты построения схемы не приводим квантификацию ПД в качестве отдельного фактора.

3.4.5. Коммуникативное членение предложения

Как указывалось выше, в бесермянском фактор коммуникативного членения оказывается релевантным лишь в узком классе контекстов. Наиболее последовательно соблюдается следующий принцип: контрастный топик оформляется посессивным аккузативом. При этом определенные ИГ обязательно оформляются посессивным аккузативом (220), а нерелевантные ИГ могут оформляться посессивным аккузативом или оставаться без оформления (223) (ниже в схеме 5, иллюстрирующей выбор способа оформления ПД в бесермянском, такие случаи не отражены, т. к. они достаточно редки).

- (220) Vəj-z-e   š'i-i-z,   n'an'-z-e   kel'-t-i-z.
 масло-3-ACC   есть-PRT-3   хлеб-3-ACC   оставаться-TR-PRT-3
{На столе лежал кусок хлеба с маслом.} [Кот] масло съел, а хлеб оставил.

В (220) происходит выбор из множества объектов: «хлеб» и «масло». ИГ, обозначающие данные объекты, являются контрастным топиком и маркируются аккузативом.

Интересно, что данная стратегия используется также в случаях, когда ПД обозначает известный объект, который, однако, не может быть идентифицирован единственным образом (т. е. не соблюдается условие единичности объекта, см. подробнее пункт 2.4):

- (221) Ž'ek   vəl-ən   səl-e   val   jablok-jos-ən   tarelka.
 стол   верх-INSTR   стоять-PRS.3SG   быть.PRT   яблоко-PL-INSTR   тарелка
 Pet'a   kwin'-z-e   (*kwin')   š'i-i-z.
 Петя   три-3-ACC   три   есть-PRT-3
На столе стояла тарелка с яблоками. Петя съел три [яблока].

В (221) происходит выбор из множества известных объектов, однако выбранные объекты не описаны исчерпывающим образом, позволяющим однозначно их идентифицировать. Заметим, что в этом случае используется посессивный аккузатив³⁰, а не аккузатив на *-ez*. То есть, можно заключить, что в бесермянском единичность и известность маркируются различными средствами: первое — аккузативом, второе — посессивным аккузативом.

При контрастном топике этом возможен разрыв ИГ (или же определение составляет отдельную ИГ); при этом чаще всего и вершина, и зависимое оформляются посессивным аккузативом:

- (222) Č'orəg-z-e   š'i-i-z   zək-s-e,   pič'i-z-e   kel'-t-i-z.
 рыба-3-ACC   есть-PRT-3   большой-3-ACC   маленький-3-ACC   оставаться-TR-PRT-3
 PRT-3

Рыбу он съел большую, а маленькую оставил.

³⁰ Показатель аккузатива *-ez* обязательно оформляет определения, если они употребляются в качестве вершины ИГ, т. е. при субстантивации (как показано в примере, немаркированная форма здесь недопустима). Наличие же именно посессивного аккузатива становится необходимым при отсылке к известному множеству, как в (221).

Рассмотрим примеры на нереперентные ПД в контрастном топике.

- (223) а. So sakar-en č'aj ju-e, a jəl ug.
тот сахар-INSTR чай пить-PRS.3SG а молоко NEG
б. So sakar-en č'aj-z-e ju-e, a jəl-z-e ug.
тот сахар-INSTR чай-3-ACC пить-PRS.3SG а молоко-3-ACC NEG
a=б. Он чай с сахаром пьет (обычно), а молоко — нет.

В таком случае возможно употребление ПД с посессивным аккумулятивом (223б) или немаркированной формы (223а). Как представляется, это связано с тем, что при употреблении родовых ИГ в контексте контраста факторы референциального статуса и коммуникативного членения вступают в конфликт, имплицитно различный тип оформления ПД. Это отражается на колебаниях в выборе оформления ПД носителями. (Для простоты мы не отражаем данную вариативность в схеме 7.)

Интересно, что данное средство маркирования — посессивный аккумулятив — зарезервировано именно для контрастного топика. Топик без контраста маркируется собственно аккумулятивом, например:

- (224) Už-ez d'eš' leš't-ono.
работа-ACC хорошо делать-DEB
{ЛК: Речь идет о том, как надо работать.} Работу надо всегда хорошо делать.

- (225) Perepeš'-ez gur-až'-ən pəž'-ono.
перепечи-ACC печь-перед-INESS печь-DEB
Перипечи в печке печь надо.

Мы приводим примеры с родовой ИГ, т. к. определенные ИГ оформляются аккумулятивом и в топике, и в теме, и в реме, см. п. 3.4.3. Выше говорилось, что родовые и универсальные ИГ допускают оба типа оформления. Выбор оформления зависит от коммуникативного членения высказывания. А именно, родовые и универсальные ИГ в теме обычно оформляются аккумулятивом (224)— (225); родовые и универсальные ИГ в реме чаще всего выступают в немаркированной форме:

- (226) Mənam pš'aj-e č'orəg gine š'ij-e.
мы.GEN1 кот-1SG рыба только есть-PRS.3SG
Наш кот ест только рыбу.

При этом если в реме находится модификатор в ИГ, а не вершина, по-прежнему предпочтительно отсутствие оформления (в отличие от печорского, где в таком случае ПД присоединяет посессивный аккумулятив):

- (227) So gord jablok gine š'ij-e.
этот красный яблок только есть-PRS.3SG
Он ест только КРАСНЫЕ яблоки.

Вернемся к случаям оформления ПД посессивным аккумулятивом. Выше приведены примеры, когда данная стратегия используется для маркирования контрастного топика. Интересно, что контраст — не единственный тип контекстов, где возникает такой тип оформления. Например, в (228) ИГ *turən* «стог» является родовой в силу того, что в данном предложении описывается хабитуальная

ситуация, т. е. то, как принято собирать сено; значение выделения данного объекта из множества отсутствует. Однако данная ИГ оформляется посессивным аккузативом:

- (228) Turân-ez medam š'iš'm-e šusa zurod-z-e vand-o.
 трава-3 чтобы.не.1 гнить-PL COMPL стог-3-ACC резать-PRS.3PL
{Собирают сено в стог.} Чтобы сено не сгнило, этот стог [обычно] делят (букв. режут) на части.

В этом и других случаях посессивный аккузатив оформляет эмфазу на анафорической отсылке — значения типа *вот этот X*. В русском языке данное значение может кодироваться так же, как контрастивный топик (ср. русск. *Вот этот топор возьми*, если в ситуации актуализовано несколько топоров), либо актуализовать референт, упомянутый ранее, но имеющий низкую степень активации в данный момент дискурса. В бесермянском в таких контекстах используется посессивный аккузатив, как и при контрастном топике:

- (229) D'iš'-s-e kâl'-i-z, vu-ân gâl-t-i-z, miš'k-i-z,
 одежда-3-ACC снимать-PRT-3 вода-INESS полоскать-SMLF-PRT-3 мыть-PRT-3
 vaj vâl-e oš'-i-z.
 ветка верх-ILL вешать-PRT-3
{ЛК: Человек упал в болото. Солдат человека вытащил, с него} одежду снял, в воде прополоскал, постирал, на ветку повесил.

- (230) Ad'ami-z-e-no kut-i-z-no vu puš-k-e dong-i-z.
 человек-3-ACC-ADD ловить-PRT-3-ADD вода внутри-OBL-ILL вталкивать-PRT-3
Человека тоже поймал, в воду затолкал. [Примеры из экспериментальных материалов О. Л. Бирюк и М. Н. Усачёвой; КФУТ]

Предложения (229) и (230) взяты из рассказа о двух героях — человеке по имени Пётр, упавшем в болото, и солдате. Вначале описывается их знакомство, затем (229) внимание слушающего переключается на ситуации, происходящие с неодушевленным участником — одеждой. В (230) говорящий возвращается к предыдущему топикю, т. е. к Петру. ПД *ad'ami*, которая отсылает к данному участнику, маркируется не аккузативом (как ожидалось бы для определенного участника), а посессивным аккузативом³¹. Здесь показатель посессивного аккузатива маркирует «неожидаемый» возврат к предыдущему топикю.

Другая функция посессивного аккузатива близка функции соответствующего показателя в печорском (см. п. 3.3.3). Рассмотрим следующие примеры.

- (231) а. Kәsk-ә kal-ez – es-ez uš'-č'k-o-z.
 дергать-SG веревка-ACC дверь-3 открыть-DETR-FUT-3
Дерни за веревочку, дверь и откроется.
 б. Kәsk-ә kal-z-e!
 дергать-SG веревка-3-ACC
Веревочку-то дерни!

³¹ Такое же употребление было отмечено для посессива 2-го лица единственного числа в марийском языке, см. [Брыкина, Судобина 2005].

{Комментарий: У меня руки заняты, и я не могу войти, говорю другому: Дерни за веревочку, что же ты стоишь.}

В (231a) речь идет об объекте, определенном в силу конситуации, поэтому используется аккузатив на *-ez*. Посессивный аккузатив (231б), согласно суждению носителя, может быть употреблен, если ожидается, что собеседник дернет за веревочку, но он почему-то этого не делает. Таким образом, здесь показатель аккузатива выполняет функцию дискурсивного маркера и используется для эмфазы при (ре)активации уже известной информации — в отличие от (230), однако, активизируется не информация об участнике (верёвочка), а информация о всей ситуации (дернуть за верёвочку).

Итак, функции посессивного аккузатива можно суммировать следующим образом: 1) собственно посессивная функция; 2) контрастный топик и близкие значения — прямое указание на объект (*вон тот, вон этот*), (ре)активация и эмфаза на топике, который по разным причинам (имплицитный топик, большое референциальное расстояние до предыдущего упоминания и т. п.) в данный момент дискурса имеет низкую степень активации.

Таким образом, коммуникативное членение предложения оказывается релевантным для бесермянского, однако лишь в отношении посессивного аккузатива. Собственно аккузатив может быть охарактеризован как маркер референциального статуса.

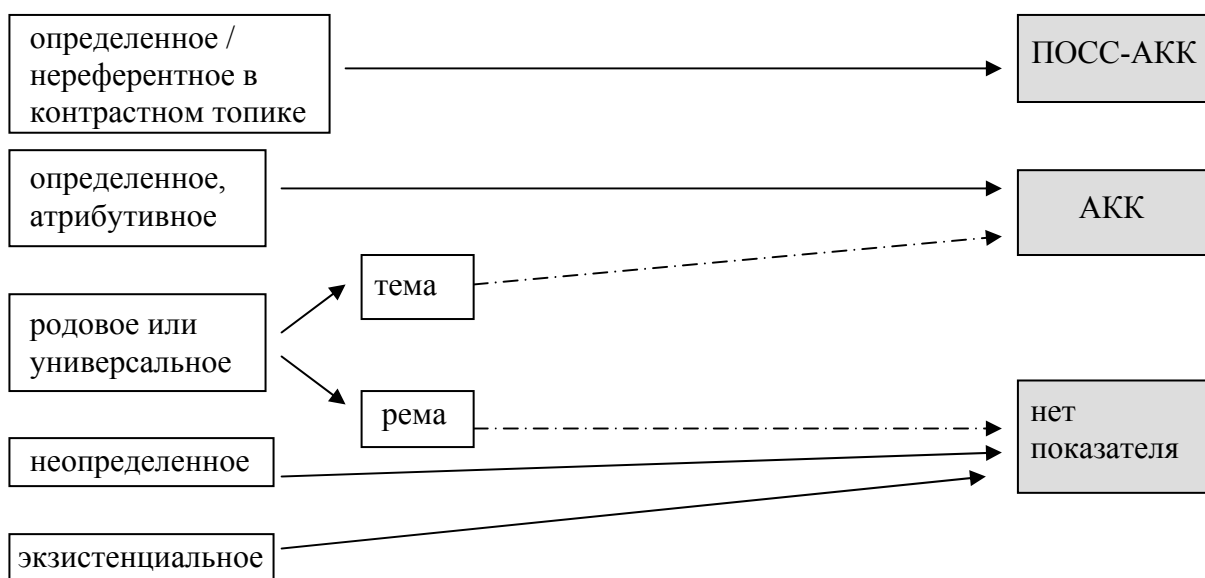
3.4.6. Обобщение

Иерархия факторов для бесермянского выглядит следующим образом (в иерархии, как и в результирующей схеме, не учитываются дискурсивные факторы, посессивные отношения и состав ИГ):

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС > КОММУНИКАТИВНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ > КВАНТИФИКАЦИЯ ПД

Можно сформулировать правило взаимодействия факторов в виде следующего алгоритма:

Схема 5. Выбор оформления ПД в бесермянском

Итак, в бесермянском оформлении ПД регулируется следующими факторами. При наличии притяжательного отношения между субъектом и ПД обязателен посессивный аккузатив. Посессивный аккузатив также выбирается для маркирования контрастного топика, а также для активации полуактивированного участника в дискурсе. При отсутствии притяжательного отношения и контраста, если ПД принадлежит теме высказывания, предпочтителен (но не обязателен) аккузатив; если ПД принадлежит реме, релевантным оказывается референциальный статус ИГ. Определенные ИГ всегда оформляются аккузативом; неопределенные и нереферентные ИГ (кроме родовых и универсальных) не оформляются. Универсальные и родовые ИГ чаще всего оформляются аккузативом, если они принадлежат теме высказывания; если же они принадлежат реме, ПД чаще всего не оформляется. Для этих типов ИГ возможны нарушения, что отражено в схеме с помощью полупунктирных линий. Для кумулятивных объектов в инкрементальной ситуации аккузатив также может быть выбран, чтобы маркировать полный охват объекта.

4. Заключение

В данном разделе был предложен последовательный сопоставительный анализ различных факторов оформления ПД в финно-пермских языках, упоминаемых как в типологической, так и в специальной литературе. В ходе исследования для каждого анализируемого идиома сформулирован алгоритм выбора оформления ПД при различных значениях релевантных факторов.

Мы предлагаем следующее обобщение сформулированных алгоритмов. В луговом марийском языке отсутствие выраженного падежного показателя на ПД указывает на нерасчлененность элементов глагольной группы с точки зрения их коммуникативного статуса. Вслед за анализом аналогичного явления в турецком языке [Муравьева 2008], мы предполагаем, что в марийском языке это явление можно рассматривать в терминах квазиинкорпорации.

Посессивный аккузатив в пермских языках можно интерпретировать как маркер прагматической пресуппозиции в терминах [Lambrecht 1994]. Однако границы его употребления в удмуртском и коми-зырянском различны. В бесермянском диалекте удмуртского посессивный аккузатив ограничен функцией контраста, или выбора из известного множества, а также дискурсивной функцией активации известного референта. Собственно аккузатив маркирует референциальный статус ПД. В печорском диалекте коми-зырянского посессивный аккузатив чувствителен и к принадлежности ПД теме высказывания, и к его определенности. Маркер аккузатива в этом идиоме является показателем одушевленности.

Бесермянский диалект удмуртского и шокшинский диалект эрзя-мордовского языка неожиданным образом обнаруживают значительное сходство в этом плане. В обоих идиомах наиболее важным фактором является референциальный статус ПД: при определенных и атрибутивных ИГ в бесермянском используется аккузатив, в шокшинском — генитив с субъектно-объектным спряжением. Коммуникативное членение в обоих идиомах является релевантным для выбора оформления неререферентных ИГ. В обоих языках могут оказываться важными аспектуальные характеристики ситуации и квантификация ПД, однако в обоих языках данные факторы не накладывают строгих грамматических запретов.

Для всех идиомов, анализируемых в настоящем разделе, важными оказываются также дискурсивные факторы, в особенности, дискурсивная

значимость участника (противопоставление «протагонист vs. не-протагонист»). В обоих пермских идиомах — бесермянском и печорском — посессивный аккузатив развивает выделительное дискурсивное значение.

Интересно, что алгоритм выбора кодирования ПД очень сильно различается для всех диалектов, рассматриваемых в настоящей работе. В ходе исследования мы также зафиксировали серьезные расхождения каждого из анализируемых диалектов с литературными языками. При сравнении диалектов одного языка — мы располагаем возможностью сравнить данные печорского диалекта коми-зырянского языка с ижемским диалектом, материал которого здесь не приводится — также обнаруживаются значительные расхождения. Если в печорском диалекте наиболее релевантными факторами являются коммуникативное членение и одушевленность, то в ижемском данные факторы играют второстепенную роль, а определяющим фактором является референциальный статус. Опираясь на полученные данные, можно предположить, что механизм выбора оформления ПД является языковым параметром, легко подвергающимся изменению в ходе языковой эволюции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андуганов 1991 — *Андуганов Ю. Д.* Историческая грамматика марийского языка. Синтаксис. Ч. 1: Введение. Субстантивные словосочетания. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1991.
- Брыкина, Судобина 2005 — *Брыкина М. М., Судобина А. Н.* Посессивные показатели в роли дискурсивных маркеров (на материале некоторых уральских языков) // Четвертая типологическая школа (21—28 сентября 2005 г., Ереван). М.: РГГУ, 2005. С. 98—101.
- Бубрих 1949 — *Бубрих Д. В.* 1949. Грамматика литературного коми языка. Ленинград: ЛГУ, 1949.
- Бубрих 1953 — *Бубрих Д. В.* Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1953.
- Галкин 1964 — *Галкин И. С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. 1. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1964.
- ГМЯ — *Коляденков М. Н., Заводова Р. А.* (ред.). Грамматика мордовских языков. Ч. I: Фонетика и морфология. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1962.
- ГСУЯ — *Перевоицков П. И., Вахрушев В. М., Алатырев В. И.* (ред.). Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Ижевское книжное изд-во, 1962.
- Дмитриев 1960 — *Дмитриев Н. К.* Турецкий язык. М.: Изд-во восточной литературы, 1960.
- Доннелан 1982 — *Доннелан К. С.* 1982. Референция и определенные дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII: Логика и лингвистика. М.: Радуга, 1982. С. 134—161.
- Ковтунова 1976 — *Ковтунова И. И.* Современный русский язык: порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976.
- Коляденков 1959 — *Коляденков М. Н.* Структура простого предложения в мордовских языках. Предложение и его главные члены. Саранск, 1959.
- Кондратьева 2002 — *Кондратьева Н. В.* Выражение прямого объекта в удмуртском языке (в историко-сопоставительном плане): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2002.

- Лаврентьев 1975 — *Лаврентьев А. М.* Номинатив прямого дополнения в марийском языке // Вопросы финно-угроведения. Вып. 6. Саранск, 1975. С. 114—121.
- Лыткин 1955 — *Лыткин В. И.* Современный коми язык. Ч. 1: Фонетика, лексика, морфология. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1955.
- Лыткин, Тимушев 1961 — *Лыткин В. И., Тимушев Д. А.* 1961. Краткий очерк грамматики коми языка // *Лыткин В. И.* (ред.). Коми-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. С. 839—923.
- Матезиус 1967 — *Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. Сб. статей. М.: Прогресс, 1967. С. 239—245.
- Муравьева 2008 — *Муравьева И. А.* О трактовке неформленного имени в тюркских языках // *Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю.* (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные аспекты грамматики. М.: Гнозис, 2008. С. 321—421.
- Падучева 1985 — *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотношенность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Пенгитов 1961 — *Пенгитов Н. Т.* 1961. Имя существительное // *Пенгитов Н. Т.* (ред.) Современный марийский язык. Ч. 2: Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1961.
- Прокушева 1984 — *Прокушева Т. И.* Категория определенности / неопределенности в коми языке // *Тираспольский Г. И.* (отв. ред.) Взаимодействие финно-угорских и русского языков. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1984.
- Рогава, Керашева 1966 — *Рогава Г. В., Керашева З. И.* Грамматика адыгейского языка. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1966.
- Серебренников 1964 — *Серебренников Б. А.* О современной и древней системе марийских падежей // Вопросы марийского языкознания. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1964. С. 104—110.
- Серебренников 1967 — *Серебренников Б. А.* Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967.
- Строева 2006 — *Строева М. Н.* Использование форм на *-t'ende/-tende* как одна из возможных стратегий кодирования объекта в шокшинском диалекте мордовского языка. // Третья Конф. по типологии и грамматике для молодых исследователей. Мат-лы. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 148—153.
- Тихонова 1975 — *Тихонова Т. М.* Особенности указательного склонения в эрзянских диалектах // Вопросы мордовского языкознания. Вып. II, Ч. 1. Саранск, 1975. С. 57—64.
- Толдова 2000 — *Толдова С. Ю.* О когнитивном подходе к некоторым проблемам референции // *Нариньяни А. С.* (ред.). Труды междунар. семинара Диалог-2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2000. С. 282—289.
- Толдова, Сердобольская 2002 — *Толдова С. Ю., Сердобольская Н. В.* Некоторые особенности оформления прямого дополнения в марийском языке // Лингвистический беспредел. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 106—125.
- Тужаров 1984 — *Тужаров Г. М.* Проблема немаркированного имени в марийском языке // Советское финно-угроведение. 20 (4). 1984. С. 282—289.
- Тужаров 1986 — *Тужаров Г. М.* 1986. Проблема немаркированного аккузатива в марийском языке // Советское финно-угроведение. 22 (2). 1986. С. 99—107.
- Тужаров 1987 — *Тужаров Г. М.* К вопросу о существовании немаркированных падежей в марийском языке // Советское финно-угроведение. 23 (1). 1987. С. 19—27.

- Тужаров 1998 — *Тужаров Г. М.* Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Науч. докл., представленный в качестве дис. ... докт. филол. наук. Йошкар-Ола, 1998.
- Федюнева 1998 — *Федюнева Г. В.* (ред.). Коми язык. Энциклопедия. М.: ДИК, 1998.
- Феоктистов 1966 — *Феоктистов А. П.* Эрзянский язык // *Лыткин В. И., Майтинская К. Е.* (отв. ред.). Языки народов СССР. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966. С. 177—199.
- Цыганкин 1977 — *Цыганкин Д. В.* Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовских языков. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1977.
- Цыганкин и др. 2000 — *Цыганкин Д. В., Агафонова Н. А., Имайкина М. Д., Мосин М. В., Цыпкайкина В. П., Абрамова Е. А.* Эрзянь кель. Морфемика, валонь теевема ды морфология. Учебник. Саранск: Красный Октябрь, 2000.
- Цыпанов 1997 — *Цыпанов Е. А.* Причастие в коми языке: история, семантика, дистрибуция. Екатеринбург: Уральское отд. РАН, 1997.
- Цыпкайкина 2007 — *Цыпкайкина В. П.* Темпоральность в мордовских языках и принципы её описания. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2007.
- Якубинская-Лемберг 1962 — *Якубинская-Лемберг Э. А.* К вопросу о выражении прямого дополнения в эрзя-мордовском языке // *Финно-угорская филология.* Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1962. С. 75—84.
- Янко 2001 — *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Abbott 2010 — *Abbott B.* Reference. Oxford; New York: Oxford University Press, 2010.
- Aissen 1998 — *Aissen J.* Differential Object Marking: Iconicity vs. Economy // *Natural Language and Linguistic Theory.* 1998. 21 (3). P. 435—483.
- Alhoniemi 1993 — *Alhoniemi A.* Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar. Hamburg: Buske, 1993.
- Bartens 1996 — Bartens R.
- Bese, Dezső, Gulya 1970 — *Bese L., Dezső L., Gulya J.* On the syntactic typology of the Uralic and Altaic languages // *Problems of Typology and Northern Eurasian Languages.* Budapest, 1970. P. 113—128.
- Bossong 1985 — *Bossong G.* Differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen. Tübingen: Gunter Narr, 1985.
- Csucs 1990 — *Csucz S.* Chrestomathia Votiacica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1990.
- Collinder 1957 — *Collinder B.* Survey of the Uralic languages. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1957.
- Comrie 1979 — *Comrie B.* Definite and animate direct objects: A natural class // *Linguistica silesiana.* 1979. 3. P. 13—21.
- Dalrymple, Nikolaeva 2011 — *Dalrymple M., Nikolaeva I.* Objects and Information Structure. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Danon 2002 — *Danon G.* The Hebrew Object Marker and Semantic Type // *Proceedings of IATL 17.* 2002. <http://english.huji.ac.il/IATL/17/>
- de Hoop 1996 — *de Hoop H.* Case configuration and noun phrase interpretation. New York: Garland, 1996.
- de Hoop 2005 — de Hoop H. 2005. Case and strength // *Dekker P., Franke M.* (eds.). *Proceedings of the Fifteenth Amsterdam Colloquium.* Amsterdam: ILLC, 2005. P. 113—118.
- de Hoop, de Swart 2009 — *de Hoop H., de Swart P.* Differential Subject Marking. Dordrecht: Springer Science. 2009.

- de Swart 2007 — *de Swart P.* Cross-linguistic variation in object marking. Ph.D. diss. Radboud Universiteit Nijmegen, 2007.
- Enç 1991 — *Enç M.* The semantics of specificity // *Linguistic Inquiry*. 1991. 22 (1). P. 1—25.
- Epps 2010 — *Epps P.* Where differential object marking and split plurality intersect: Evidence from Hup // *Epps P., Arkhipov A.* (eds.). *New Challenges in Typology. Transcending the borders and Refining the Distinctions. Trends in Linguistics*. V. 217. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010.
- Erteshik-Shir 2007 — *Erteshik-Shir N.* Information Structure: The Syntax-Discourse Interface. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- van Geenhoven 1998 — *van Geenhoven V.* Semantic incorporation and indefinite descriptions. Stanford: CSLI Publications, 1998.
- Geurts 1998 — *Geurts B.* Presuppositions and anaphors in attitude contexts // *Linguistics and philosophy*. 1998. 21. P. 545—601.
- Givón 1978 — *Givón T.* Definiteness and referentiality // *Greenberg J. H.* (ed.). *Universals of human Language*. V. 4. Syntax. Stanford: Stanford University Press, 1978. P. 291—330.
- Givón 1983 — *Givón T.* (ed.). *Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1983.
- Gundel, Hedberg, Zacharski 1993 — *Gundel J. K., Hedberg N., Zacharski R.* Cognitive status and the form of referring expressions in discourse // *Language*. 1993. 69. P. 274—308.
- Haspelmath 1997 — *Haspelmath M.* Indefinite pronouns. *Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Johanson 1978 — *Johanson L.* Bestimmtheit und Mitteilungsperspektive im türkischen Satz // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Supplement III/2*. Wiesbaden, 1978. S. 1186—1203.
- Keresztes 1999 — *Keresztes L.* Development of Mordvin definite conjugation. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1999.
- Kiparsky 2001 — *Kiparsky P.* Structural case in Finnish // *Lingua*. 2001. 111. P. 315—376.
- Korhonen 1996 — *Korhonen M.* Remarks on the structure and history of the Uralic case system // *Salminen T.* (ed.). *Typological and historical studies in language by Mikko Korhonen. A memorial volume published on the 60th anniversary of his birth*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1996. P. 219—234.
- Krifka 1989a — *Krifka M.* Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics // *Bartsch R., van Benthem J., van Emde B. P.* (eds.). *Semantics and contextual expression*. Dordrecht: Floris, 1989. P. 75—115.
- Krifka 1989b — *Krifka M.* 1989. Nominalreferenz, Zeitkonstruktion, Aspekt, Aktionsart: Eine semantische Erklärung ihrer Interaktion // *Abraham W., Janssen T.* (eds.). *Tempus — Aspekt — Modus. Die lexikalischen und grammatischen Formen in den germanischen Sprachen*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1989. S. 227—258.
- Krifka 1992 — *Krifka M.* A Compositional Semantics for Multiple Focus Constructions // *Jacobs J.* (ed.). *Informationsstruktur und Grammatik, Sonderheft der Linguistischen Berichte*. Opladen: Westdeutscher, 1992. P. 17—53.
- Lambrecht 1994 — *Lambrecht K.* Information structure and sentence form: Topic, focus, and the mental representation of discourse referents. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Molnár 2001 — *Molnár J.* Zur Verwendung der Objekt- und Subjektkonjugation im Ungarischen und im Mordwinischen // *Zur (Morpho-)Syntax der Uralischen Sprachen (Specimina Sibirica, v. XVI)*. Szombathely: Savariae, 2001. P. 67—92.

- Moravcsik 1978 — *Moravcsik E.* On the Case Marking of Objects // *Greenberg J. H.* (ed.). *Universals of human language*. V. 4: Syntax. Stanford: Stanford University Press, 1978. P. 249—289.
- Muravyova 1992 — *Muravyova I. A.* Unmarked Noun Form in Turkic Languages: A Typological Point of View // *Altaic Religious Beliefs and Practices*. Proceedings of the 33rd Meeting of the Permanent International Altaic Conference (Budapest, June 24—29, 1990). Budapest: Academic Press, 1992. P. 257—261.
- Nikolaeva 2001 — *Nikolaeva I.* Secondary topic in information structure // *Linguistics*. 2001. 39 (1). P. 1—49.
- Nilsson 1978 — *Nilsson B.* Definiteness and reference in relation to the Turkish accusative // *Orientalia suecana*. 1978. 27—28. P. 118—131.
- Prince 1981 — *Prince E.* Toward a taxonomy of given-new information // *Cole P.* (ed.). *Radical pragmatics*. New York: Academic Press, 1981. P. 223—256.
- Schwabe, Winkler 2007 — *Schwabe K., Winkler S.* On information structure, meaning and form: generalizations across languages // *Schwabe K., Winkler S.* (eds.). *On information structure, meaning and form: generalizations across languages*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007.
- Selkirk 1984 — *Selkirk E. O.* Phonology and syntax: The relation between sound and structure. Cambridge: MIT Press, 1984.
- Silverstein 1976 — *Silverstein M.* Hierarchy of features and ergativity // *Dixon R. M. W.* (ed.). *Grammatical Categories in Australian Languages*. Canberra: Australian Institute for Aboriginal Studies, 1976. P. 112—171.
- Sinor 1988 — *Sinor M.* (ed.). *The Uralic languages*. Description, history, and foreign influences. Leiden: Brill, 1988.
- Skribnik 2001 — *Skribnik E.* Pragmatic structuring in Northern Mansi // *Seilenthal T.* (ed.). *Congressus nonus internationalis fenno-ugristarum*. Vol. 7. Tartu. Pars IV. *Dissertationes sectionum: Linguistica III*. Tartu: Tartu University, 2001. P. 222—239.
- Suikhoenen 2005 — *Suikhoenen P.* 2005. On the categories and functions developed from the possessive and deictic suffixes in Udmurt // *Hasselblatt C., Koponen E., Widmer A.* (eds.) *Beiträge zur Finnougristik aus Anlaß des sechzigsten Geburtstages von Hans-Hermann Bartens*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2005. P. 401—427.
- Tamm 2004 — *Tamm A.* Relations between Estonian verbs, aspect, and case. Doctoral dissertation. Budapest, 2004.
- Tura 1973 — *Tura S.* A study of articles in English and their counterparts in Turkish. Doctoral dissertation. Ann Arbor: University of Michigan, 1973.
- Vallduví 1992 — *Vallduví E.* *The Informational Component*. New York: Garland, 1992.
- Wickman 1955 — *Wickman B.* *The Form of the Object in the Uralic Languages*. Uppsala, 1995.
- Winkler 2001 — *Winkler E.* Udmurt. München: LINCOM EUROPA, 2001.
- Woolford 2000 — *Woolford E.* Object agreement in Palauan: Specificity, humanness, economy and optimality // *Paul I., Phillips V., Travis L.* (eds.). *Formal issues in Austronesian linguistics*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000.